

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1—6 июля. Въ своихъ замѣткахъ за май позабылъ написать объ осмотрѣ складовъ Комитета Великой Княгини Марии Павловны, снабжающаго одеждой нашихъ воиновъ, увольняемыхъ за ранами и болѣзнями на родину.

Весною этого года мнѣ пришлось подробно осмотрѣть эти склады, помѣщающіеся на Новгородской улицѣ. Всѣ помѣщенія, склады, а также веденіе этого весьма обширнаго дѣла любезно показывалъ стоящій во главѣ Комитета, бывшій преображенецъ, членъ Государственнаго Савѣта, неутомимый и эвергичный Дмитрій Борисовичъ Нейдгардъ.

Запасы одежды очень велики: они занимаютъ громадное помѣщеніе. Чего только тутъ нѣтъ: и нижнее бѣлье, и теплая одежда, и сапоги, фуфайки и варежки и др.

Во время обхода я просилъ показать образцы изъ разныхъ мѣстъ склада. Было показано, и всѣ предметы оказались отличнаго качества.

Въ другихъ помѣщеніяхъ хранились матеріалы, доставляемые изъ глубины Россіи; изъ нихъ комитетскими мастерскими заготовляется одежда.

Нуждающіеся и подлежащіе увольненію на родину солдаты прибываютъ на Новгородскую улицу, здѣсь ихъ кормятъ, даютъ полегъ, и если нужно, временно помѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

щаютъ въ прекрасно устроенный лазаретъ, одѣваютъ, снабжаютъ деньгами и отправляютъ, щеголевато и тепло одѣтыми, на родину.

Здѣсь устроено какъ бы отдѣленіе воинскаго начальника, которое выдаетъ за надлежащими подписями, скоро и быстро, всѣ слѣдующіе закономъ документы.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ приводитъ описаніе дѣяній нашего бронированнаго автомобиля, послѣ того, какъ нѣмцы, подъ прикрытіемъ свезенной громадной массы артиллеріи, переправились на нашъ берегъ Стохода и начали тамъ спѣшно укрѣпляться подъ защитой той же артиллерійской завѣсы. Выбить ихъ оттуда, такимъ образомъ, обычной пѣхотной атакой не было возможности безъ риска большого урона въ людяхъ. Тогда рѣшено было попробовать пустить въ дѣло одинъ изъ нашихъ бронированныхъ автомобилей. Получивъ приказъ о выступленіи, нашъ броневикъ съ поручикомъ М. тотчасъ же выѣхалъ на шоссе полнымъ ходомъ. Едва нѣмцы успѣли опомниться, какъ броневикъ очутился уже у ихъ передовыхъ дѣпей и началъ въ упоръ разстрѣливать оторопѣвшаго непріятеля изъ пулеметовъ. Несмотря на переполохъ, вызванный неожиданнымъ появленіемъ бронированнаго автомобиля, нѣмцы засыпали нашихъ смѣльчаковъ градомъ пуль и снарядовъ. Нѣмецкимъ солдатамъ въ послѣднее время во множествѣ были розданы особая бронебойныя пули въ мѣдной оболочкѣ, противъ которыхъ съ трудомъ устоитъ лучшая англійская броня. Нѣмцы теперь стрѣляли этими пулями, но нашъ броневикъ былъ неуязвимъ и по прежнему методически своими пулеметами скашивалъ атакующія его группы нѣмцевъ, нагромождая горы тѣлъ. Вскорѣ нашъ броневой автомобиль оказался уже въ тылу непріятельской колонны войскъ. Нѣмцы не выдержали и съ крикомъ: „тейфель, тейфель!“ бросились вразсыпную, зажигая красныя ракеты, что являлось сигналомъ бѣдствія и вызовомъ подкрѣпленій.

На тревожные сигналы съ лѣваго берега Стохода послѣшли на выручку разгромленнымъ частямъ два свѣжихъ батальона германской пѣхоты. Лишь только они перешли мостъ и очутились на нашемъ берегу, автомобиль былъ направленъ имъ навстрѣчу. Врѣзавшись въ толпу нѣмцевъ,

¹⁾ „Русское Слово“ 2 июля г. г.

онъ переѣхалъ по ихъ тѣламъ черезъ мостъ, а оттуда началъ вновь свою убійственную работу. Видя себя отрѣзанными отъ моста, нѣмцы окончательно поддались паникѣ и, охваченные ужасомъ, стали въ безпорядкѣ разсыпаться по окрестнымъ болотамъ, ища спасенія въ густомъ кустарникѣ отъ губительнаго огня броневой машины.

Благопріятный моментъ замѣшательства въ рядахъ противника, конечно, нами не былъ упущенъ. Вслѣдъ за бронированнымъ автомобилемъ ринулась впередъ наша пѣхота и великолѣпно завершила блестяще начатое имъ дѣло. Наступленіе противника было отбито, и, кромѣ того, въ нашихъ рукахъ вновь оказалась переправа черезъ Стоходъ.

Начальникъ автомобиля, поручикъ М., представленъ за этотъ подвигъ къ высокой боевой наградѣ.

Баталіоны русскихъ войскъ, участвовавшіе въ парижскомъ парадѣ 14 іюля, возвратились сегодня вечеромъ на фронтъ. На пути отъ казармъ до вокзала населеніе устроило русскимъ солдатамъ грандіозную, незабываемую овацію. Огромная толпа, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сопровождала русскія войска по всему пути ихъ слѣдованія, привѣтствуя ихъ и забрасывая ихъ цвѣтами. Площади Согласія и Оперы, а также большіе бульвары были совершенно запружены народомъ. По улицамъ русскіе солдаты едва могли двигаться впередъ среди живыхъ шпалеръ. Незабываемое зрѣлище это превзошло своимъ народнымъ энтузіазмомъ наиболѣе прекрасные дни франко-русскаго союза. Проходя черезъ площадь Согласія, русскіе офицеры возложили цвѣты на статую Страсбурга.

Въ „Свѣтѣ“ г. Филипповъ рассказываетъ изумительную исторію съ типографіей Бенке въ Новомъ переулкѣ № 2 противъ Асторіи, на зданіи типографіи теперь красуется вывѣска съ государственнымъ гербомъ: „Типографія А. Бенке“, а г. Бенке живетъ въ Германіи и агитируетъ противъ Россіи во всю.

Газеты наполнены свѣдѣніями, какими подлыми и пагубными путями нѣмцы захватили въ свои руки всю восковую торговлю Россіи, задушили русскихъ кушцовъ и устранили другихъ ѣконкурентовъ.

Въ Парижѣ скончался Илья Ильичъ Мечниковъ.

9 июля. Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ передаетъ интересныя подробности о недавнихъ бояхъ въ Буковинѣ.

Германцы, чтобы спасти своихъ союзниковъ, стали спѣшно кидать имъ свою помощь. Въ первую голову подошелъ на нашемъ участкѣ корпусъ прямо изъ подъ Вердена. Мы и германцевъ покروшили, взявъ однихъ только плѣнныхъ пять тысячъ. Съ первыми полками подошедшихъ на помощь германцевъ вышла та же трагикомедія. Все еще надѣявшіеся на твердыни своихъ окопныхъ сооруженій, подошедшіе германцы никакъ не ждали небывало быстраго продвиженія большихъ нашихъ силъ. Поэтому послѣ многодневной дороги, прибывъ къ назначенному мѣсту, германскіе офицеры передъ боями рѣшили вымыться въ ваннхъ, переодѣться, а тутъ, какъ снѣгъ на голову въ июнѣ, наши войска. Немало германскихъ офицеровъ защищалось, а потомъ и бѣжало безъ штановъ, въ одявхъ рубахахъ. Ясно, что все и личное, и войсковое добро прибывшихъ осталось нашимъ въ добычу.

Въ Черновицахъ и въ Буковинѣ были взяты цѣлыя погребя дорогихъ винъ: рому, коньяку, шампанскаго. Войскамъ нашимъ былъ устроенъ настоящий праздникъ. Подъ тѣмъ же Бучачемъ наши нежданно нагрѣянули на одну станцію, а туда только-что телеграфировали съ сосѣдней:

— Будьте спокойны: идетъ помощь, сейчасъ отправляемъ три эшелона.

Наши, наскочивъ на станцію, заняли, конечно, телеграфъ и прочли телеграмму: идутъ три эшелона. Имъ приготовили встрѣчу. Подходятъ одинъ за другимъ три батальона, три тысячи солдатъ съ полнымъ боевымъ снаряженіемъ и обозомъ, открываютъ двери вагоновъ, — имъ навстрѣчу изъ-за горъ шпаль и провіанта, изъ-за станціонныхъ зданій, дальше по линіи, изъ-за канавъ и кустовъ русскіе батальоны. Пулеметы, ружья наведены, каждый вагонъ взятъ подъ обстрѣлъ. Въ вагонахъ суматоха, крики, отрывочныя команды, одни захлопываютъ двери, другіе хотятъ соскакнвать, — на нихъ наши со штыками. Ков-гдѣ раздались изъ вагоновъ одиночныя слѣпыя выстрѣлы, — тѣ вагоны тотчасъ же были осыпаны градомъ пуль. Все быстро смолкло, — сдались. Быстро обезоружили всѣхъ.

¹⁾ „Русс. Слово“ 7 июля 1916 г.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ описывается такъ блестящая атака нашихъ славныхъ гусаровъ.

Это было 2-го іюня, въ 7 часовъ вечера, на фронтѣ боевого участка, о которомъ пойдетъ рѣчь. Наша пѣхота занимала окопы въ лѣсу у д. В... На его западной опушкѣ шагахъ 300—400 отъ нашихъ окоповъ, тянулись окопы противника, укрѣпленные тремя рядами проволочныхъ загражденій. Только-что было получено приказаніе о переходѣ въ наступленіе, которое въ сосѣднемъ справа участкѣ, слышно было, уже началось.

Весь лѣсъ позади гремѣлъ и трещалъ отъ разрывовъ надъ нимъ,—главнымъ образомъ, надъ дорожкой, которая вела сквозь его гушу къ нашимъ окопамъ,—шрапнелей. Этой завѣсой желѣзнаго дождя противникъ стремился преградить путь нашимъ резервамъ, а къ опушкѣ изъ его окоповъ летѣлъ ураганъ свинца изъ ружей и пулеметовъ.

Приближалась самая жуткая минута, когда нашимъ героямъ нужно было вылѣзть изъ своего укрытія и идти навстрѣчу этому урагану, навстрѣчу смерти... Вотъ въ этотъ-то именно моментъ и произошло то, что своею неожиданностью и безумствомъ отваги такъ поразило равно и „нашихъ“ и „ихъ“. Только наши, придя въ себя и понявъ, въ чемъ дѣло, разразились радостнымъ „ура“, а „оттуда“ неслись крики ужаса и вопли о пощадѣ.

По узкой лѣсной дорожкѣ черезъ завѣсу огня и желѣза въ карьеръ неслась наша конница на вороныхъ коняхъ. Ни на мгновеніе не останавливаясь, всадники одинъ за другимъ перескакивали черезъ окопы надъ головами пѣхоты и, усиливая аллюръ, бросились къ непріятельскимъ окопамъ. Казалось, прямо въ объятія смерти летятъ эти безумцы; казалось, ни одинъ изъ нихъ не дойдетъ до окоповъ, а тѣ, кто доскачетъ, погибнутъ въ колючей паутицѣ загражденій. Но такова сила внезапности, такова сила доблести, творящей чудеса, что не успѣли еще головные всадники доскакать до проволочныхъ загражденій, какъ, точно встревоженные муравьи, посыпали изъ своихъ окоповъ австрійцы, съ воплями поднимая кверху руки и моля о пощадѣ. Они сами бросились навстрѣчу атакующимъ сквозь оказавшіяся въ ихъ загражденіяхъ проходъ, которымъ тѣ и не преминули воспользоваться.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 9 іюля 1916 г.

Но проходъ былъ слишкомъ узокъ, а терпѣніе преодолѣть препятствіе слишкомъ велико, ибо все же часть австрійцевъ и ихъ пулеметы еще продолжали защищаться, и всадники грудями коней своихъ рвали проводку вмѣстѣ съ кольями, другіе перерѣзали ее пожницами.

Тамъ, за окопами, пощадъ не было никому, кто еще держалъ въ рукахъ оружіе; въ одинъ моментъ была изрублена прислуга у пулеметовъ, и вскорѣ изъ занятыхъ окоповъ не раздавалось уже ни одного ружейнаго выстрѣла, гремѣлъ лишь артиллерійскій да флапговый ружейный огонь съ содѣльныхъ участковъ австрійской позиціи.

За взятой позиціей, верстахъ въ 1½ къ западу, видѣлась деревня К., куда и устремился гусары, уничтожая по пути искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ враговъ. Вихремъ ворвавшись въ деревню, они заняли ея, но дальнѣйшее преслѣдованіе, какъ вслѣдствіе малочисленности доскакавшихъ, такъ и въ виду наступившей темноты, было невозможно, и, сдавъ занятая позиціи двинувшейся вслѣдъ за ними пѣхотѣ, гусары стали собираться въ лѣсъ.

Вотъ они, наконецъ, всѣ тутъ, эти чудесные всадники... Ихъ почти не видно среди сѣро-голубой массы плѣнныхъ, запрудившихъ всю большую лѣсную поляну.

— Это дьяволы какіе-то, — заволнованно и какъ бы оправдываясь, говоритъ по-нѣмецки усатый австрійскій офицеръ нашему. — Мы здѣсь никакъ не ожидали конной атаки на насъ. Это было невозможно. Мы не могли этого предполагать... Такъ нельзя...

А эти „дьяволы“ въ это время, перебивая другъ-друга, съ лѣтской радостью обмѣниваются впечатлѣніями, ласково утѣшаютъ рапечныхъ товарищей и добродушно подтруниваютъ надъ плѣнными, вытирая, какъ ни въ чемъ не бывало, со своихъ шашекъ и пикъ кровь...

Въ глубокомъ мракѣ, при свѣтѣ фоварей, окончилась лихорадочная работа перевязочнаго пункта; лазаретныя ливейки увезли послѣднихъ раненыхъ, и сѣрая колонна плѣнныхъ двинулась завершать свой „Drang nach Osten“ подъ эскортомъ гусарь...

То былъ дивизионъ (три эскадрона) славныхъ N гусаръ, подъ командой подполковника А.

Изъ Москвы сообщаютъ, что скоро ликвидируется извѣстная транспортноровочная контора Гергардъ и Гей.

Посмотримъ, какія позорныя имена русскихъ людей своими ямевами превратятъ эту фирму въ якобы руссiйское акціонерное предпріятіе.

„Новое Время“¹⁾ приводитъ объявленіе главноначальствующаго Саратовской губерніи, рисующее одну изъ оригинальныхъ отраслей дѣятельности мѣстныхъ колонистовъ.

„Съ конца прошлаго года,—читаемъ въ объявленіи,—замѣчается разсылка редакціями вѣкоторыхъ выходящихъ за границу повременныхъ изданій печатныхъ писемъ на нѣмецкомъ языкѣ, адресованныхъ на имя поселенцевъ Саратовской и Самарской губерній съ просьбой о сообщеніи редакціямъ свѣдѣній о призванныхъ на войну, раненыхъ и вернувшихся на родину солдатахъ, цѣнахъ на различные продукты и т. п., а также о пересылкѣ редакціямъ переводовъ изъ русскихъ газетъ относительно военныхъ событій, при чемъ для отвѣтовъ къ каждому письму предлагалось по нѣскольку печатныхъ конвертовъ.

Поступающая въ военную цензуру корреспонденція свидѣтельствуетъ, что письма эти не остаются безъ отвѣта, и многіе получатели ихъ сообщаютъ въ означенныя газеты интересующія ихъ свѣдѣнія.

Сообщеніе этихъ свѣдѣній за границу представляется несомнѣнно опаснымъ, такъ какъ они могутъ быть использованы агентами непріятеля въ интересахъ послѣдняго.

Въ виду сего приглашаю населеніе Высочайше ввѣренной мнѣ губерніи не сообщать такого рода данныхъ за границу и въ интересахъ государства оставлять поступающія изъ газетъ письма по сему предмету безъ отвѣта“.

Объявленіе это прямо ужасно и особенно поучительно для всѣхъ русскихъ и въ особенности депутатовъ Государственной Думы Керенскаго, Скобелева и барона Мейендорфа, нашихъ колониستолобовъ.

Вотъ каковы наши лояльные колонисты Саратовской и Самарской губерній, которыхъ мы пригрѣли на нашей груди въ теченіе 150 лѣтъ. Этимъ колонистамъ приказываютъ изъ ихъ настоящаго отечества, Германіи, сообщить измѣнническія свѣдѣнія относительно Россіи, и они сообщаютъ. Дальше этого идти нельзя. Непонятно, почему ихъ не называютъ въ объявленіи колонисты, а поселяне. Можетъ быть, какой-нибудь изъ этихъ депутатовъ будетъ имъ вы-

¹⁾ „Новое Время“, 9 іюля 1916 г.

донатывать казенный паекъ, когда ихъ будутъ выселять. Несомнѣнно, что и другіе колонисты получаютъ и исполняютъ подобныя германскія повелѣнія.

10—15 июля. Предсѣдатель Совѣта Министровъ гофмейстеръ Штюрмеръ назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто гофмейстера Сагонова.

Сегодня арестованъ въ Петроградѣ предсѣдатель правленія Русско-французскаго банка Д. А. Рубинштейнъ.

Русское общество торговли аптекарскими товарами состоитъ изъ 45 русскихъ акціонеровъ и 255 пѣмцевъ.

Хорошее русское общество.

Нѣмецкая фирма Сименсъ и Шукертъ прикована въ Японіи и Франціи, а у насъ безмятежно процвѣтаетъ, устраиваетъ лазареты и благотворительныя жертвованія.

„Новое Время“ ¹⁾ приводитъ рассказы недавно взятыхъ плѣнныхъ.

Въ данной партіи, состоящей преимущественно изъ мадьяръ, пѣмцевъ и чеховъ, два чеха говорили по-русски превосходно почти съ едва замѣтнымъ акцентомъ. Они служили и переводчиками, такъ какъ нѣмцы тоже оказались слово-охотниками; только мадьяры держались соясѣмъ въ сторонѣ и на всѣ предлагаемые вопросы односложно отвѣчали — „мадьяръ“ и уходили въ сторону.

Изъ всей партіи видъ воиновъ имѣли мадьяры и отчасти чехи, остальные вполнѣ подходили подъ мѣткое опредѣленіе ополченца „суклевастые“. Несмотря на очень недурное обмундированіе, хорошую обувь и, если хотите, далеко не переутомленный видъ (успѣли уже отъѣсться на промежуточныхъ этапахъ), они тѣмъ не менѣе напоминали случайную толпу съ единственной общностью — одинаковой формой.

¹⁾ „Новое Время“ 14 июля 1916 г.

— Когда взяты?

— Сегодня ночью у деревни Д. прикрывали отступление, но наши прорвались и кроме насъ взяли два оboна и батарею.

— Что же, жаркое было дѣло?

— Не видалъ еще такого страха,—какъ-то скороговоркой заговорилъ чехъ,—на всѣхъ фронтахъ былъ, недавно съ итальянскаго, а нигдѣ огонь не достигалъ такой силы. Ваша артиллерія не стрѣляетъ, а уничтожаетъ все на своемъ пути; такой мѣткости стрѣльбы пѣтъ ни на одномъ фронтѣ, у насъ рѣдкій сварядъ пропадаетъ даромъ.

— Гдѣ же держаться при нашемъ огнѣ, изъ нашего полка мало осталось, остальные побиты. Мы спаслись только потому, что въ заднихъ землянкахъ засѣли и тамъ смерти ждали.

— Ну, а ваше начальство и офицеры тоже пошли въ плѣнъ?

— Не знаемъ, должно быть, въ обозѣ взяты, они ушли, когда бой сталъ разгораться, а двое дежурныхъ остались при насъ: одинъ убитъ, другой въ плѣнъ пошелъ. Наши офицеры,—чехъ пріостановился и продолжалъ затѣмъ съ грустью,—далеко отъ насъ, рѣдко мы ихъ видимъ, только дежурныхъ, но и они въ своихъ землянкахъ, подальше отъ перваго окопа; приказываютъ все по телефону. Мы сами, положимъ, знаемъ свое мѣсто, у каждаго оно опредѣлено: кто и когда долженъ замѣнить другого, тоже за-долго объявляется. Мы совсѣмъ отдѣльно отъ офицеровъ; чужихъ ротъ и въ глаза не знаемъ, никогда никого не видѣли. А въ бою такъ и всегда командуютъ унтеръ-офицеры. Вонъ тотъ, что серебряная звѣздочка на воротникѣ.

Теперь мнѣ стало понятно, что послѣдніе бои дали огромный процентъ плѣннаго австрійскаго офицерства сразу большими партіями только потому, что ихъ забирали не на передовыхъ линіяхъ, а въ относительномъ тылу, гдѣ они группировались вмѣстѣ.

— Скажите, а кормятъ насъ ничего, всего хватаетъ?

— До боевъ пищи было достаточно. Чистаго мяса почти не давали, но консервы все же были. Хлѣба порціи убавили и онъ сталъ хуже, но жить было можно. И въ домъ много присылали шоколада, кофе, консервовъ. Жаловались недѣля, хотя и тутъ обижали, и тѣмъцамъ и (маленькимъ) отдѣльную пищу готовили, говорятъ—лучше. А во время боевъ очень голодали, все поѣли и ничего намъ не доставляли. При-

шло съ вѣсть одни сырые овощи, которые подъ рукой въ огородахъ были, картошку печеную и сырую два дня ѣли. Очень много тяжелаго перенесли, хворать слабые начали. Теперь такихъ прислали цѣлыя роты. Кто зиму провелъ на позиціяхъ, мало осталось, выбиты, ранены. Сильно пострадали и пополненія съ другихъ фронтовъ, хотя ихъ и старались беречь. Стали тогда пополнять почти совсѣмъ необученными, только что призванными въ строй стариками и малолѣтними. Пользы отъ нихъ нѣтъ, тяжелѣе еще съ ними.

— А отношенія между австрійцами и нѣмцами сейчасъ какія?

— У насъ нѣмцевъ мало, и они насъ не беспокоятъ. Вотъ въ другихъ частяхъ, гдѣ ихъ много, рассказываютъ, что намъ, словакамъ, русинамъ и другимъ славянамъ, совсѣмъ житья нѣтъ. Исполняютъ одну черную работу и первыми идутъ въ бой. Возврата имъ уже нѣтъ; вы не убьете, свои убьютъ. Въ спокойное время побой терпятъ, у офицеровъ есть особня камышевыя палочки. Нѣмца и мадьяра тронуть не смѣютъ! Въ отпускъ намъ тоже трудно попасть, совсѣмъ не пускаютъ; награды лишаютъ, вообще хуже живется, чѣмъ нѣмцамъ и мадьярамъ.

— Ну, значитъ, вы должны быть довольны, что въ плѣвъ взяты?

На на этотъ вопросъ я не получилъ отвѣта. Раздалась команда отираваться. Плѣшныя выстроились опять по народностямъ: нѣмцы, мадьяры, чехи—отдѣльно.

Партія зашагала дальше.

Вотъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ во время допроса плѣннаго австрійскаго майора въ одномъ изъ штабныхъ корпусовъ послѣ взятія нами почти неприступныхъ позицій подъ К.

Бой здѣсь продолжался трое сутокъ при ураганномъ огнѣ нашей артиллеріи. Австрійцы держались крѣпко, и пять позицій удалось только хитростью; были устроены нѣсколько ложныхъ атакъ, и непріятель, оставявшій окопы для ихъ отраженія, попадалъ подъ перекрестный огонь артиллеріи и пулеметовъ. Враги, въ результатъ, обезумѣли отъ ужаса и послѣднюю атаку отражали слабо. Въ наши руки досталось не только позицій, но свыше 3.500 человѣкъ солдатъ и свыше 200 офицеровъ и много оружія, снаряженія и провіанта.

Плѣнный майоръ, видимо, вполне довольный своей судьбой послѣ всего пережитаго, охотно отвѣчалъ на задаваемые вопросы.

— Какъ вы только могли сдать ваши почти неприступныя позиціи?—спрашиваетъ его начальникъ штаба.

— Не сумѣю вамъ сказать, лучше вотъ вы отвѣтите — какъ вы ихъ могли взять? Единственное объясненіе — это судьба, другого быть не можетъ.

— Скажите, пожалуйста, а какъ наши сосѣди слѣва — сдались или нѣтъ?—продолжалъ майоръ.

— Да. И они пошли въ плѣнъ.

— Ну, слава Богу! А то еще этотъ ландверъ свалилъ бы вину на насъ, сказали бы, что насъ прорвали...

Пауза.

— Скоро вы пригласите меня къ завтраку, я очень голоденъ? Вашихъ офицеровъ мы всегда приглашаемъ къ себѣ,—спросилъ майоръ.

— Васъ скоро накормятъ, но пригласить къ завтраку мы лишены всякой возможности. Вчера мы взяли 105 человекъ офицеровъ, а сегодня около ста. У насъ въ штабѣ готовится всего на 10—15 человекъ, гдѣ же тутъ накормить болѣе ста офицеровъ? Придется пользоваться солдатскимъ столомъ.

— Да, вы правы, — майоръ нѣсколько задумался. — У насъ никогда не было такого количества плѣнныхъ офицеровъ.

— А послѣ обѣда вы сразу же меня отвезете въ тылъ?

— Сегодня, къ сожалѣнію, мы лишены возможности отвезти васъ. Такое количество плѣнныхъ, что и повозокъ можетъ не хватить, и сколько же потребуется конвойныхъ... Вамъ придется идти нѣсколько верстъ пѣшкомъ со своей частью.

— Со своей частью?!—Майоръ, видимо, нѣсколько удивился.—Знаете, командовать и въ плѣну своими солдатами это немного скандально. Но я вполне васъ понимаю, иначе ничего велья сдѣлать; около пяти тысячъ плѣнныхъ — очень, очень много. У насъ этого не было.

Майоръ успокоился вполне и съ удовольствіемъ затушевался предложенной ему папирсой.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ приведено описаніе дѣятельности въ летучемъ отрядѣ:

Перевязочный пунктъ полка пріютился на площадкѣ у подножья балки. На гребнѣ ея чернѣютъ силуэты какихъ-то деревьевъ, а тамъ, за этимъ рубежомъ, простирается боевое поле.

Глубокая тишина окутала окрестность. Сейчасъ здѣсь много людей, но всѣ молчатъ. Тихо и на позиціяхъ. Только изрѣдка гдѣ-то сзади въ лѣсу бухнетъ орудіе, провѣетъ посланный снарядъ, и снова воцаряется томительная, напряженная тишина.

При свѣтѣ одинокаго артиллерійскаго фонаря ротные фельдшера перевязываютъ двоихъ раненыхъ, только — что доставленныхъ изъ окоповъ.

— Можно видѣть дежурнаго врача?

— Они въ убѣжищѣ, — говоритъ санитаръ. — Дозвольте провожу.

Убѣжище — небольшая пещера.

Влѣзати туда пришлось на четверенькахъ.

— Докторъ, гдѣ вы?

— Здѣсь.

Кто-то беретъ меня за руку.

— Вадремнулъ немного. Двое сутокъ работалъ. Теперь стихло, вотъ и позволилъ себѣ понѣжиться.

Хозяинъ освѣщаетъ свою пору кармашнымъ электрическимъ фонаремъ.

Онъ дежитъ на соломенныхъ матахъ, бочкомъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Скверность такая, знаете, — протянуться нельзя. Вы съ летучкой, что ли?

— Такъ точно.

— Грузитесь помаленьку. Пока раненыхъ нѣтъ. Трудно очень вытаскивать. Нѣмцы изъ винтовокъ норовятъ бить по ходамъ сообщеній. Да и у насъ здѣсь не важно. То снарядъ залетитъ, то пули свиснутъ. Мудрено ли: холмъ этотъ впереди, — такъ, видимость одна, защиты отъ него никакой. Хотите, къ командиру полка пройдемъ?.

— Стантъ ли? Полковникъ, навѣрное, занятъ.

— Нѣтъ, онъ гостямъ всегда радъ. Тѣмъ болѣе теперь, работа кончена, полкъ сегодня смѣняется.

Штабъ полка устроился въ блиндажѣ. Въ скудно освѣщенной землянкѣ подъ знаменемъ и пиконой въ чехлахъ сидитъ командиръ полка.

Онъ отдаетъ послѣднія приказанія уходящимъ съ позиціи батальонамъ. То-и-дѣло заходятъ къ нему офицеры съ докладами и вопросами.

Два дня назадъ полкъ ходилъ въ атаку, и этотъ самый блестящій, выхолонный офицеръ шелъ впереди своихъ людей такой же спокойный и ровный, какъ всегда.

Несмотря на ураганный огонь и отчаянное сопротивленіе противника, С. полку удалось выполнить поставленную ему задачу, — захватить часть германскихъ окоповъ и закрѣпиться въ нихъ.

Полковой командиръ уцѣлѣлъ чудомъ въ адскомъ огнѣ этого боя. Въ одномъ изъ окоповъ вражескій снарядъ ударилъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полковника. Его засыпало по поясъ землей. Солдаты откопали командира ручными лопатками, неважрая на обстрѣлъ.

Доктора и меня зовутъ на пунктъ. Несутъ раненыхъ. Полковымъ музыкантамъ удалось вытащить девять чело-вѣкъ изъ-подъ нѣмецкихъ проволочныхъ загражденій. Они молчатъ, и только одинъ молить:

— Братцы, снимайте же съ меня сапоги!

— Не угодно ли полюбоваться, — тянетъ докторъ, — на этого героя.

На носилкахъ лежитъ тщедушный немолодой чело-вѣкъ, мягко улыбающійся подошедшимъ.

— Что съ тобой?

— Шесть день, ваше благородіе, у нѣмецкаго окна лежалъ раненый. Днемъ не шевелился, чтобы въ плѣвъ не взяли, а по ночамъ ползалъ къ лужѣ пить. Только замѣтили они меня, — стрѣляли; однако, Богъ миловалъ, — къ себѣ не забрали.

Это уже не первый случай. Нашихъ раненыхъ германцы не подбираютъ, предоставляя имъ гибнуть на полѣ отъ голода и жажды.

Ночь тянется мучительно долго. Тамъ, за холмомъ, — тишина. Молчатъ и наши батареи. То-и-дѣло изъ темноты выносятся новыя носилки.

Повозки дворянскаго отряда постепенно наполняются ранеными.

Уже свѣтаетъ, — надо уѣзжать.

— Стой, обожди, еще дадутъ...

— Нѣтъ, ваше благородіе.—говорить одинъ изъ носильщиковъ,—этому бѣжать не надо.

— Скончался?

— Никакъ нѣтъ: такъ-что они убиты еще третьяго дня.—нашъ полуротный, прапорщикъ О.

— Я видѣлъ, какъ они упали,—вздыхаетъ раненый с-ць, лежащій въ телѣгѣ,—вмѣстѣ въ атакѣ были.

— Трогай!

Надо спѣшить увезти оставшихся въ живыхъ до начала новаго боя.

Передаютъ, что высокіе заработки на фабрикахъ и работахъ вызвали въ деревняхъ стремленіе къ нарядамъ. Лавки, гдѣ торгуютъ дорогими матеріями, буквально осаждаются щеголихами. Грабительскія цѣны на товаръ нисколько не смущаютъ покупательницъ.

Съ начала войны до 25 іюня сего года Финляндія пропускала германскіе товары по особо льготному для нихъ тарифу и снабжала этими товарами Россію контрабанднымъ путемъ ¹⁾.

Въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾ г. Филатовъ описываетъ бой на Буковинскомъ фронтѣ:

Взятіе Печенѣжива было лишь первымъ шагомъ, и намъ важнѣе всего было пересѣчь желѣзную дорогу черезъ Карпаты на Сигетъ, ибо по ней, главнымъ образомъ, притекали подкрѣпленія изъ Македоніи и Италіи.

Делатынь стоитъ совсѣмъ въ горахъ на берегу Прута, гдѣ тотъ поворачиваетъ на востокъ. Мы повели наступленіе по обоимъ берегамъ Прута. Раньше мы постоянно сталкивались съ тѣмъ, что позиціи южнаго берега были менѣе укрѣплены, чѣмъ позиціи сѣвернаго, но Делатынь, какъ важный пунктъ, былъ укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ; однако, главныя позиціи все-таки проходили съ сѣвера на югъ, и, маневрируя, ихъ можно было брать во флангъ.

При наступленіи на Делатынь наши войска наткнулись на южномъ берегу Прута на крѣпкія позиціи, построенныя

¹⁾ „Нов. Вр.“ 15 іюля 1916 г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 15 іюля 1916 г.

въ горахъ и занятыя большими силами. Штабъ N дивизіи, наступавшей вдоль Прута, рѣшилъ поддержать сосѣдей, выйдя въ тылъ делатынскимъ позиціямъ.

Лишь только развѣдчики вышли на линію Делатынь—Коломыя, идущую вдоль Прута, показался бронированный поѣздъ: два вагона и паровозъ съ пушками и пулеметами.

Развѣдчики испугались, какъ бы онъ не проникъ до главной массы войскъ, гдѣ онъ могъ ятворить бѣду, и начали его обстрѣливать, а часть забѣжала дальше, чтобы его перехватить, но у нихъ не было подрывныхъ патроновъ, потому оказалось невозможнымъ испортить путь, — безъ инструментовъ никакъ не вывернешь шпаль и не сорвешь рельсовъ.

Пытались бросить ручныя гранаты, — онѣ оказались для этого слабы. Нѣсколько человекъ кинулось тащить большой каменный крестъ, чтобы повалить его на рельсы, но на поѣздъ замѣтили эти хлопоты и повернули обратно. На спѣхъ брошенные на рельсы жерди и камни его не задержали.

Развѣдчикамъ пришлось выдержать жестокой огонь поѣзда, особенно тѣмъ, которые пытались загородить ему путь, но пострадало всего 12 человекъ.

— Идетъ гладкій, ни одной дырки не видать, — говорятъ солдаты, — а вдругъ откроютъ окошечки, — и прямо засыплютъ пулями.

Главныя позиціи австро-германцевъ были расположены въ районѣ деревни С., гдѣ и произошелъ 29-го іюня необычайный по своей ожесточенности штыковой бой.

Здѣсь у непріятеля была сильная артиллерія, и цѣлямъ, двигавшимся по сѣверному берегу, пришлось очень трудно. Лишь только подошли къ деревнѣ С., занимавшей ее германскій полкъ, при поддержкѣ австрійскаго полка, повелъ рядъ контръ-атакъ; первыя были отбиты, но при одной изъ нихъ онъ прорвалъ нашъ фронтъ. Прорывъ снова закрыли, вѣмцевъ отбросили, но все-таки положеніе могло стать труднымъ, если бы не вышли вѣмцамъ во флангъ наши части, наступавшія по южному берегу.

Тамъ наши заняли деревню К. и, при поддержкѣ горной артиллеріи, стали наступать между холмами. Цѣлью ихъ было продвинуться возможно дальше и атаковать главную позицію С. у церкви съ юга на сѣверъ.

Переходя боемъ съ холма на холмъ, къ вечеру вышли къ берегу Прута. Здѣсь онъ крутой, обрывистый, покрытый лѣсомъ и кустами. Артиллерійскій и пулеметный огонь не

давалъ возможности выйти на крутой сватъ, что спускается къ рѣкѣ, но, на счастье, здѣсь оказалось глубокое ущелье. Наступавшій батальонъ сбѣжалъ въ него, многіе солдаты прямо скатывались по его отвѣснымъ берегамъ и изъ ущелья, какъ изъ коридора, выскочили къ рѣкѣ.

Нельзя было задерживаться ни на минуту, ибо берегъ Прута былъ подъ жестокимъ обстрѣломъ.

Батальонъ кинулся въ бродъ. Не очень глубоко, лишь кое-гдѣ по плечи, больше по поясъ, но теченіе очень быстрое, человекъ удерживается съ трудомъ, а огонь былъ такой, что вода прямо кипѣла отъ шрапнельныхъ и ружейныхъ пуль. Но это ни на секунду не задержало нашихъ. Переходили бродъ быстро.

Офицеры, бросаясь въ бродъ, рассчитывали, какъ перейти, залечь на томъ берегу у виднѣвшагося земляного валика, передохнуть, оправиться и наступать дальше. Но лишь только поднялись изъ-за берега, какъ увидѣли передъ собой ряды германцевъ.

Стройные, сѣрые, шли они въ четыре линіи со штыками наперевѣсь, безъ единого выстрѣла,—это была образцовая контръ-атака.

Не только передохнуть, но и перестраиваться нашимъ некогда было. Какъ вытѣкали на берегъ мокрые не рядами, а кучками, такъ съ крикомъ „ура“ и бросились на нѣмцевъ. Все сразу смѣшалось во взаимномъ штыковомъ ударѣ.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось отмѣчать, что нѣмцы не выдерживаютъ нашей штыковой атаки, и здѣсь, несмотря на то, что они были многочисленнѣе, они сразу подались, ибо, видно, никакъ не ожидали такого сильного удара, а четвертая линія, не дойдя до мѣста свалки, повернула и бѣжала назадъ. Все смѣшалось. Наши пробѣгали сквозь ряды нѣмцевъ, возвращались, схватывались вновь. Очень важно, что наши солдаты между собой не разъединяются и всегда стараются помочь товарищу. Постепенно свалка стала катиться отъ рѣки къ церкви. Нѣмцы бѣжали въ одиночку, группами, или ихъ преслѣдовали, и къ 9-ти часамъ бои, начавшіеся въ 8^{1/2}, докатились до церкви.

Это — деревянная пятиглавая уніатская церковь, видно, недавно построенная.

Она обнесена крѣпкой оградой изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, съ тесной крышей и нѣсколькими воротами. Нѣмцы на оградѣ устроили окопы, продѣлали бойницы, на колокольницѣ поставили два пулемета. Эта импровизированная крѣ-

пость буквально опоясывалась огнемъ выстрѣловъ. Достигнувъ ограды, наши солдаты пытались перескочить ее, подсаживая другъ друга, но пулеметь, наведенный на верхъ стѣны, скосилъ первыхъ смѣльчаковъ. Тогда навалились на ворота и вышибли ихъ.

Съ криками:

— Лови!

— Держи!

— Помоги!.. Коли!..

говялись наши солдаты за нѣмцами въ церковной оградѣ, ворвались въ церковь, и когда увидѣли, что она осквернена нѣмцами, перекололи находившихся тамъ пятнадцать чело-вѣкъ. Одного вытащили изъ-подъ престола. На колокольнѣ взяли два пулемета.

Роты, наступавшія по сѣверному берегу, тоже ворвались въ С., и штыковой бой начался на улицѣ, между хатъ и въ хатахъ.

Солдаты, взявшіе церковь, лишь только очистили ее отъ врага, зажгли въ ней свѣчи передъ всѣми иконами, и среди кипящаго боя озарилась она яркимъ свѣтомъ.

Около 11-ти часовъ вечера нѣмцы снова повели контръ-атаку, чтобы вернуть позиціи у С., а по церкви открыли сильный артиллерійскій огонь, такъ что свѣчи пришлось потушить.

Снова вспыхнулъ безпощадный ночной бой, опять неудачный для нѣмцевъ, — позиціи С. остались за нами. На нихъ поставили легкую и тяжелую артиллерію и стали обстрѣливать во флангъ укрѣпленія южнаго берега, прикрывавшія транскарпатскую желѣзную дорогу.

Австрийцы не могли выдержать двойного удара — съ фронта и фланга — и отошли, а наши 24-го юня вступили въ Делатинь.

На утро представилась страшная картина разбросанныхъ по деревнѣ и у церкви труновъ. У рѣки, гдѣ былъ первый бой, они лежали кучками, въ пропорціи: 10—15 нѣмцевъ, 3—5 русскихъ. Штыковые удары были страшные: стволъ вмѣстѣ со штыкомъ выходилъ изъ спины. Въ одномъ мѣстѣ два унтеръ-офицера, — нашъ и нѣмецъ (видимо, оба вели свои взводы), — унали, видимо произведенные штыками. Всѣ участники въ одинъ голосъ говорятъ, что и не запомнятъ такого жестокаго боя. То же можно сказать и глядя на поле битвы, — сражались почти безъ выстрѣловъ, какъ въ старыя времена.

Этотъ бой интересенъ не только по своимъ маневрамъ и по своей ожесточенности, но и по взаимной связи, которую проявили наши части, поддерживая другъ друга.

Одинъ изъ начальниковъ дивизіи, наступавшихъ рядомъ, телеграфировалъ сосѣду:

„Сердечно благодарю васъ и части N пѣхотной дивизіи за полное содѣйствіе, неоднократно оказанное моему правому флангу въ послѣднихъ бояхъ. Горжусь такимъ сосѣдомъ. Генералъ Б.“

На что начальникъ N дивизіи отвѣтилъ:

„Дорогая для насъ телеграмма сообщена всѣмъ чинамъ N дивизіи. Полки N дивизіи всегда рады драться рядомъ съ доблестными полками вашей дивизіи, съ которыми ихъ соединяють узы боевого братства. Генералъ П.“

Конечно, при поддержкѣ германцевъ, австрійцы еще могутъ сопротивляться, но ударъ имъ нанесенъ очень тяжелый, отъ котораго они оправятся не скоро, если только смогутъ оправиться.

Но, конечно, и намъ это наступленіе досталось нелегко, — приходилось брать упорно защищаемыя превосходныя позиціи, приходилось совершать колоссальныя переходы.

Я, главнымъ образомъ, говорилъ въ своихъ корреспонденціяхъ о работахъ пѣхоты и артиллеріи, ибо на нихъ падаетъ вся тяжесть боевъ, но много работала и кавалерія, были завалены работой и санитарныя части, — надо только представить, какъ была трудна при такомъ быстромъ наступленіи вывозка раненыхъ; на примѣръ, работающимъ въ автомобильной колоннѣ Д. Н. Терещенко первыя сутки прямо приходилось не спать. Но всѣхъ соединяло и окрыляло одно:

— Побѣда! Побѣда! Побѣда! — слово, которое на фронтѣ является смысломъ всего существованія.

Вотъ на какіе подвиги способны русскія женщины:

Приказомъ по N-ской арміи крестьянка деревни П. Виленской губерніи, Паулина Андреевна Савукъ (она же Саукъ) награждена Георгіевскою медалью 4-й степени.

Даже въ простомъ официальном изложеніи подвигъ этой женщины-героини выдѣляется своею исключительностью, полнымъ безстрашіемъ, обильнымъ глубокимъ русскимъ патриотизмомъ, и вызываетъ восхищеніе.

„Проживая въ занятомъ нѣмцами мѣстечкѣ П. А. Савукъ укрывала въ теченіе двухъ дней трехъ нижнихъ чиновъ, бѣжавшихъ изъ германскаго плѣна и просившихъ

ее провести черезъ германскія позиціи до расположенія нашихъ войскъ, что было сопряжено съ большою опасностью, такъ какъ въ мѣстечкѣ стоялъ какой-то германскій штабъ, и по мѣстечку ходило много германскихъ солдатъ. Тѣмъ не менѣе, 19-го января, поздно вечеромъ, она вывела ихъ изъ мѣстечка и провела мимо германскихъ часовыхъ до рѣки, по льду которой они благополучно вмѣстѣ съ ней добрались до нашихъ проволочныхъ загражденій, гдѣ и были задержаны нашими развѣдчиками“.

Савукъ—жена фельдшера лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка. Ей не больше 25-ти лѣтъ. Разобитая съ мужемъ, она не успѣла уѣхать изъ занятыхъ непріателемъ мѣстъ и осталась жить у родныхъ въ Виленской губерніи.

— Давно я уже мечтала перейти на русскую сторону.— рассказывала П. А. Савукъ,—особенно послѣ смерти 11-го октября единственной моей малютки-дочери. Искала только удобнаго случая. Жизнь подъ вѣмцемъ стала ужасно тяжелой. Зарабатывала я немного шитьемъ. Но недостатокъ продуктовъ и дороговизна дошла до того, что нельзя было существовать на скромные заработки. А тутъ какъ-разъ кстати наши плѣнные. Вотъ и рѣшила провести ихъ, несчастныхъ, да и самой уйти отъ вѣмцевъ.

Съ 1-го по 15-е іюля военныя дѣйствія у насъ происходили слѣдующимъ образомъ:

За это время въ Рижскомъ районѣ происходило успѣшное наше наступленіе въ Кемернскомъ направленіи и на лѣвомъ флангѣ Рижскаго района, несмотря на энергичныя контръ-атаки германцевъ.

Въ районѣ Бараповичей наше продвиженіе впередъ шло значительно медленнѣе и тоже сопровождалось контръ-атаками непріятеля.

Германцы подвезли значительныя подкрѣпленія на Волынской театрѣ и, несмотря на это, армія генерала Сахарова съ 3-го по 12-е іюля прорвала центръ противника въ Львовскомъ направленіи, невзирая на его отчаянныя контръ-атаки и атаки въ районѣ Свиныхъ и Горохова, а также на южной Стрыпѣ.

15-го іюля ген. Сахаровъ въ селѣ Броды съ 3 по 15 іюля захватилъ 34.000 плѣнныхъ. Наши войска, наступавшія отъ Луцка къ западу, взяли за это же время 46 орудій и 9.000 плѣнныхъ. Въ Буковинѣ мы успѣшно утвердились въ предгорьяхъ Карпатъ и Порьяты.

Генераль Юденичь на Кавказѣ наступаль къ западу отъ Эрзерума, Гюмришъ-Халу, взялъ Вайбургъ и Эраинжанъ и разгромилъ въ этихъ районахъ турецкія арміи.

За то въ Моссульскомъ направленіи турки потѣснили насъ.

Въ № 189 „Русскаго Инвалида“ приведены интересныя данныя о прусскомъ орденѣ Іоаннитовъ:

Всемирная война открыла передъ глазами народовъ Европы невѣроятную подготовленность и организацию Германіи подъ руководствомъ Пруссіи. Одна составная часть прусской системы до сихъ поръ еще недостаточно точно описана. Я подразумеваю прусскій Орденъ Іоаннитовъ „Іезуитскій Орденъ прусскаго короля“; его обыкновенно смѣшиваютъ съ извѣстнымъ Мальтійскимъ Орденомъ.

Прусское королевское правительство эдиктомъ секуляризаціи отъ 30-го октября 1810 года и грамотой объ упраздненіи отъ 23 го января 1811 года прекратило существованіе прусской вѣтви Ордена Іоаннитовъ (Die Balley Brandenburg des Ritterlichen Ordens St. Iohannis vom Spital zu Jerusalem). Государственная казна присвоила себѣ все имущество Ордена. Въмѣсто него грамотой отъ 23-го мая 1812 г. былъ основанъ королевскій прусскій Орденъ Іоаннитовъ (der Königlich Preussische Iohanniter Orden), который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ другихъ орденскихъ учрежденій прусской монархіи.

Въ текстѣ грамоты, подписанной королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, сказано: „Мы будемъ, когда Намъ благоугодно будетъ, такимъ лицамъ, которыя отличились въ службѣ Намъ, Нашему Королевскому Дому и Нашей Монархіи, давать Нашъ Королевскій Прусскій Орденъ Іоаннитовъ по Нашему Собственному побужденію, а также предоставляемъ себѣ право давать его по докладу Великаго Мастера Ордена, послѣ совершившагося испытанія, даже тогда, когда Мы находимъ нужнымъ потребовать стязъ Нашей Генеральной Комиссіи Орденовъ“.

Замѣчательно, что мы не встрѣчаемъ англійскихъ именъ въ спискахъ этого Ордена, хотя послѣ Ватерло можно было бы предполагать, что англичане все же оказали нѣкоторыя услуги по крайней мѣрѣ прусской монархіи. Встрѣчаются даже французскія имена, правда, весьма немногочисленныя. Напротивъ, число членовъ изъ нѣмецкихъ государствъ, также какъ Швеции, Даніи, Голландіи весьма значительное. Еще замѣчательнѣе число русскихъ подданныхъ въ орденѣ

и не только нѣмецкаго происхожденія; въ спискахъ встрѣчаются имена многихъ наиболѣе извѣстныхъ родовъ русской православной высшей аристократіи.

1852 годъ — былъ годомъ преобразованій Ордена. Въ Орденъ принимается молодой Оттонъ фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ, посолъ при Германскомъ Союзѣ. Въ Франкфуртѣ онъ ясно понялъ, что гегемонія Пруссіи и объединеніе Германіи требуютъ другихъ основъ, чѣмъ демократическія или либеральныя. Можно прослѣдить, какъ будущему объединителю Германіи все видѣлась могущественная организація Ордена іезуитовъ; да не только онъ одинъ, а цѣлая поколѣніи государственныхъ мужей склонили головы въ глубокомъ раздумьѣ надъ твореніемъ св. Игнатія. Онъ взялъ Орденъ іезуитовъ за примѣръ, чтобы изъ аристократовъ создать организацію, служащую прусскому королю съ такимъ же усердіемъ, какъ іезуиты служили папѣ. Къ счастью для молодого государственнаго мужа политикой Пруссіи, въ качествѣ президента министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, руководилъ высокодаровитый фонъ-Мантейфель, котораго отъ потомства заслоняетъ гигантская фигура Бисмарка. Къ реорганизации Ордена приступили сейчасъ, и съ весьма большимъ искусствомъ.

Бисмаркъ-Шенгаузенъ вступилъ въ Орденъ въ 1852 году, и уже 15-го октября того же года послѣдовалъ приказъ о возстановленіи упраздненнаго въ 1810 и 1811 годахъ Ордена. Теперь онъ обыкновенно именуется: *die Balley Brandenburg des Ritterlichen Ordens St. Iohannis vom Spital zu Ierusalem, oder der Johanniter-Orden*.

Прусскій король по-прежнему состоитъ протекторомъ Ордена. Первымъ *Herrschmeister* омъ назначается, 17-го мая 1853 года, Карлъ, принцъ прусскій. Капитулъ собрался въ первый разъ 24-го іюня и подписалъ статуты. Любопытно, что большинство изъ подписавшихся не кореннаго нѣмецкаго происхожденія. Съ свойственной прусской политикѣ осмотрительностью и провіей говорится въ грамотѣ отъ 8-го августа 1853 года: „Согласно всегда принадлежавшимъ нашимъ предкамъ въ Бранденбургѣ и особливо въ XII статьѣ Вестфальскаго договора ясно признаннымъ сувереннымъ и патронатскимъ правамъ надъ названной вѣтвью Ордена, она опять возстановливается и возвращается къ первоначальному назначенію“. Итакъ, мысли нѣмецкихъ государственныхъ людей постоянно возвращались къ политическому художественному созданію кардинала Ришелье—Вест-

фальскому договору, который издобрить Германію и такимъ образомъ обезпечилъ Европѣ миръ на долгіе годы. Какое удовольствіе, опираясь на этотъ договоръ, ковать оружіе окончательнаго его разрушенія!

Нынѣ протекторомъ Ордена состоитъ король Пруссіи; его *Herrenmeister* омъ принцъ Эйтель. Братъ императора Генрихъ рыцарь права и сыновья принцы Августъ и Оскаръ рыцари чести.

Капитулъ Ордена, по статутамъ отъ 30-го сентября 1886 года, состоитъ изъ *Herrenmeister* а, который предсѣдательствуетъ, изъ комендаторовъ и почетныхъ комендаторовъ, изъ *Ordenshauptmann* а, канцлера Ордена и тѣхъ чиновниковъ Ордена, которымъ въ теченіе исполненія своихъ обязанностей дается право голоса.

Орденъ распределяется по 15 „провинціямъ“ изъ нихъ 10 прусскихъ и Вюртембергъ, Мекленбургъ, Гессенъ, Саксонія и Баварія. Каждая провинція имѣетъ во главѣ комендатора. Остальные комендаторы сохраняютъ право голоса въ капитулѣ, также и почетные комендаторы. Рыцари присоединяются къ одной изъ провинцій; иностранные рыцари обыкновенно примыкаютъ прямо къ центральному учрежденію.

При вступленіи вносится 1000 марокъ и ежегодно около 60—75 марокъ. На эти деньги содержатся больницы, пріюты въ Германіи и за границей. Во время войны Орденъ приходитъ на помощь государству. Число рыцарей нынѣ около 3.500.

Судъ чести принадлежитъ капитулу, но, если рыцари состоятъ въ германской арміи, тогда дѣла ихъ разбираются военными судами чести.

Особенность Ордена заключается въ томъ, что „въ рыцари чести можетъ быть назначенъ каждый дворянинъ евангелическаго вѣроисповѣданія, кто своимъ поведеніемъ обнаруживаетъ убѣжденія, соответствующія цвлямъ Ордена“. Но не смотря при этомъ на публичность, не требуютъ ухода за больными, какъ этого можно было бы ожидать. Когда протестантскій дворянинъ выразитъ желаніе вступить въ Орденъ, то капитулъ приступаетъ къ наведенію справокъ, которая относится главнымъ образомъ къ генеалогіи, къ социальному имущественному положенію кандидата. Послѣ этого, если свѣдѣнія благоприятны, о томъ извѣщается *Herrenmeister* ть, который, по своему усмотрѣнію, заноситъ или нѣтъ имя въ списокъ. Этотъ списокъ

представляется прусскому королю, который, по своимъ соображеніямъ, назначаетъ кандидатовъ въ рыцари чести или имъ въ томъ отказываетъ. Они не получаютъ посвященія въ рыцари (рыцарскаго удара). Въ рыцари привимаются лишь люди не моложе 30 лѣтъ, со зрѣлымъ характеромъ; такъ Орденъ страхуетъ противъ непріятныхъ неожиданностей. Если они иностранцы, то рыцари испытываются особенно тщательно. Въ рыцари права назначаются не равьше 4-хъ-лѣтняго пребыванія въ рыцаряхъ чести, чѣмъ открывается дорога къ высшимъ ступенямъ и, наконецъ, и въ капитуль.

Нужно отмѣтить сравнительную легкость принятія въ рыцари чести (Ehrenritter). На этой ступени совершается эвергичная моральная обработка, совершенное подчиненіе, податливость, прусскому вліянію. Потомъ уже, постепенно и осторожно, начинается введеніе въ тайны, и также и исползованіе „въ цѣляхъ Ордена“...

Въ статутахъ 1853 года требуется: Рыцарь права (Rechtsritter) долженъ принадлежать къ нѣмецкому дворянству, или къ дворянству прусской монархіи, долженъ быть протестантскаго (евангелическаго) вѣроисповѣданія и долженъ раньше состоять рыцаремъ чести. 13-го марта 1890 года новая имперія уже чувствуетъ себя столь сильной, что требованія къ рыцарямъ права понижаются. Рыцарь права долженъ быть протестантскаго вѣроисповѣданія и долженъ раньше состоять рыцаремъ чести. Это весьма облегчаетъ работу Ордена за границей, и трудно теперь охватить всю громадную пользу этой организаціи для Германіи.

Принятіе въ рыцари права совершается обыкновенно въ Ивановъ день, на основаніи списка, составленнаго Неггенmeister'омъ въ капитуль и одобреннаго королемъ. Церемонія происходитъ въ Зоннебургѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, вдали отъ глазъ міра. Все происходитъ какъ-будто открыто, все думаютъ, что все ясно понимаютъ. И странно, что эта блестящая толпа, разодѣтая въ пышныхъ костюмахъ, такъ мало привлекала вниманія постороннихъ... Здѣсь въ Зоннебургѣ рыцари права получаютъ рыцарскій ударъ и признаютъ и обѣщаютъ, что тѣ три удара, которые получаютъ отъ меча Неггенmeister'а, они будутъ терпѣть послѣдними. Изъ длинной присяги, которую приносятъ рыцари права, приведемъ здѣсь только нѣсколько пунктовъ: онъ долженъ призвать и обѣщать, что онъ Его Королевскому Прусскому Величеству, своему государю и высокому покровителю Ордена, всегда и при всѣхъ обстоя-

тельствѣхъ будетъ вѣренъ въ готовности служить и послушанъ, что будетъ стремиться къ благополучію и искать всего лучшаго для отечества, что всѣми силами и своей жизнью будетъ бороться за короля и отечество, храбро и безстрашно. Для иностранцевъ имѣется слѣдующее измѣненіе этого пункта: онъ долженъ признать и обѣщать, что онъ Его Королевскому Прусскому Величеству, высокому покровителю, въ дѣлахъ ордена, будетъ благосклоненъ (hold) и готовъ услужить (gewärtig), и въ то же время своимъ примѣромъ въ своей вѣрности прирожденному (angeboren) государю желаетъ быть свѣточемъ и дѣлать честь ордену. Здѣсь уже видно, какъ прусскій король присваиваетъ себѣ верховную моральную власть надъ иностранными протестантами, прокладывая путь къ старой мечтѣ о томъ, чтобы Берлинъ сдѣлался протестантскимъ Римомъ съ папой-королемъ во главѣ. Кромѣ того даются еще обѣщанія подчиненія и послушанія орденскимъ уложеніямъ и правителямъ. Рукопожатіемъ это подкрѣпляется Hergeimeister'омъ и комендаторамъ.

Картина была бы неполной, если орденъ позабыть бы въ своей организаціи благороднѣйшую кровь. Уже 5-го ноября 1861 года мы находимъ слѣдующее: иностраннымъ государямъ, ихъ супругамъ и вдовамъ, а также супругѣ Hergeimeister'a, Его Величество король даетъ знаки ордена, когда они признаютъ себя членами протестантской церкви и, черезъ посредство Hergeimeister'a, изъявили желаніе принадлежать къ Ордену. Эта война ясно показала, какое значеніе для успѣховъ германской политики имѣютъ тѣ, кто, признавая себя членами германской расы, занимаютъ троны иностранныхъ государствъ. Эта замѣтка интересна тѣмъ, что показываетъ, какъ давно это введено въ систему.

Весьма увлекательно изученіе Ордена въ повѣйшей исторіи Пруссіи. Такъ, на примѣръ, до 3-ей войны Бисмарка мы повсюду въ правящихъ кругахъ, гдѣ „благороднѣйшая кровь“ и Орденъ Іоаннитовъ успѣли потрудиться, встрѣчаемъ большое благосклоненіе къ Пруссіи и полную политическую слѣпоту. Но мы видимъ и другія явленія. После разгрома Дании представители нѣкоторыхъ датскихъ родовъ (Мальтке, Ревентловъ) быстро онемечиваются; раньше среди нихъ было много іоаннитовъ. Еще болѣе важную роль сыгралъ Орденъ въ моральномъ подготовленіи Германіи къ объединенію. Во вѣсѣхъ нѣмецкихъ государствахъ руководящія мѣста занимаютъ іоанниты, какъ около 1866, такъ и

1870 года. То же самое можно сказать и о нынѣшнихъ временахъ. Такъ, напримѣръ, въ Курляндіи и въ остальной Россіи, повсюду іоанниты были наиболѣе усердными поборниками германскаго дѣла; іоанниты занимали весьма высокіе посты и ихъ присяга королю прусскому ихъ обязывала по крайней мѣрѣ къ благосклонности. Сказанное относится и къ голландскимъ и шведскимъ германофиламъ: наиболѣе ярне среди нихъ суть іоанниты... И не удивительно, что изъ всѣхъ знаковъ отличія, какими столь богатъ Божій міръ, только одинъ Орденъ Іоаннитовъ старательно отмѣчается въ генеалогическихъ ежегодникахъ Гота. Онъ заслужилъ того своей усердной, тихой, еле замѣтной для постороннихъ, но важной работой pour le roi de Prusse.

16 іюля. Сегодня „Вечернее Время“ передаетъ возмутительный фактъ, что высланый въ Пенау, германскій подданный Германъ Антоновичъ Кохъ исправно получаетъ черезъ своихъ служащихъ доходы со своихъ петроградскихъ домовъ. Сильно сомнѣваемся, что какой-либо русскій подданный могъ получать доходы со своего имущества въ Германіи въ настоящее время.

Бетманъ-Гольвегъ отправился въ главную квартиру восточнаго фронта, куда его вызвалъ кайзеръ, созвавшій верховный совѣтъ, въ которомъ принимаютъ участіе Гинденбургъ и Фалькенгайнъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати въ Финляндіи наложило арестъ на всѣ вышедшія въ теченіе войны изданія учебника нѣмецкаго языка, одобреннаго финляндскимъ училищнымъ вѣдомствомъ и принятаго почти во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ которомъ между прочимъ помѣщена нѣмецкая пѣсня „Deutschland über alles“ и рассказъ о Вильгельмѣ II, написанный въ симпатизирующемъ нѣмцамъ тонѣ ¹⁾.

1) „Веч. Вр.“ 16 іюля с. г.

Г. Мзура сообщает ⁴⁾:

Маленькій, но знаменательный и глубоко печальный признакъ.

Лицо, занимающее оффиціальную постъ, прислало мнѣ треугольный конвертикъ для ножницъ, теперь предлагаемыхъ для продажи. На лицевой сторонѣ конверта напечатано: 1) кружокъ съ изображеніемъ серпа и съ надписью вокругъ: „Fabrik-Marke, Die Sichel“, а внизу надъ изображеніемъ ножницъ: „Die magnetische Scheere“, на поляхъ лицевой стороны конверта видѣется мелкая надпись на русскомъ языкѣ.

„М. И. Терехина Сыновья“ С. Павлово. Рисунокъ заявленъ отдѣлу торговли и промышленности.

Пусть сыновья М. И. Терехина — рабы, жалко идущіе въ хвостъ любезной ихъ сердцу германской промышленности, но министерство торговли и промышленности, казалось бы, должно было образумить такихъ „Богомъ убитыхъ“ отечественныхъ „имитаторовъ“. Повторяю — фактъ мелкій, ничтожный. Однако, на немъ основано очень много расчетовъ германскихъ купцовъ. Еще недавно въ „Börsen-Zeitung“ появилась статья С. Герцога. Онъ повторяетъ столь любезные для нѣмцевъ успокоительные доводы, что кончится война и „все образуется“. „Неуклюжій юноша“ — Россія вернется къ прежнимъ привычкамъ и „смутно постигаемымъ влеченіямъ“.

— Мы приучили, — говоритъ Герцогъ, — русскихъ покупателей къ тому, что германскій товаръ дешевле, хорошъ и несетъ съ собою кредитъ. До чего они привыкли къ нѣмецкому товару, лучше всего доказывается тѣмъ, что они стараются подражать нашей укупоркѣ, нашимъ образцамъ, нашимъ фабричнымъ клеймамъ и фирмовымъ знакамъ! Однако разница въ томъ, что ихъ товары — дороги, наши — дешевы. Лишь только откроется граница и замолкнетъ грохотъ орудій — русскіе купцы придутъ къ намъ за защитой отъ дороговизны отечественнаго производства. Въ Россіи умѣютъ подражать нѣмецкому виду товаровъ и не умѣютъ лишь удержать нѣмецкую цѣну. При такихъ условіяхъ о конкуренціи не можетъ быть и рѣчи“.

Развивая далѣе свою мысль, Герцогъ говоритъ, что германцы не только доставляютъ въ Россію свои товары, но они приспособили рынокъ и домашній обиходъ къ нѣ-

⁴⁾ „Веч. Вр.“ 16 июля 1916 г.

мецкому товару. Вытѣснить послѣдній не такъ то легко товару англійскому или французскому. Съ нимъ, пожалуй, не сумѣютъ и справиться. Къ нему не привыкли, не приспособились.

И на эту тему очень много разсужденій въ германской экономической печати. Всѣ они сводятся къ тому, что „не-уклюжій юноша“, не учитывающій своихъ силъ, не страшенъ для германской торговли, мало того—онъ просто „Quantité négligeable“.

И вотъ, когда читаешь такія изліянія, на которыя мы дали нѣмцамъ право нашей беспечностью и бездѣятельностью въ вопросахъ міровой промышленности и торговли, всѣ эти русскіе „Die Sichel“, тереминскія рабскія привычки и великодушное равнодушіе официальныхъ руководителей русской торговли къ такъ называемымъ „мелочамъ“ становятся особенно обидными, мало того—оскорбительными.

Неужели же у васъ все „made in Germany“? Не хочется вѣрить этому, когда докатываются до насъ мощные раскаты русскихъ побѣдъ.

„Кельнская Газета“ передаетъ, что кайзеръ прибылъ съ восточнаго фронта, вошелъ въ соборъ въ сапогахъ, покрытыхъ грязью, и въ запыленномъ плащѣ. Ставъ на колѣни, онъ молился 20 минутъ. Совершенно случайно упавшій на него лучъ солнца, проникшій черезъ цвѣтныя стекла окна, залилъ его лицо краснымъ свѣтомъ, будто кровью. Многие молящіеся, видѣвшіе въ этотъ мигъ кайзера, ужаснулись, и вѣсть эта передается изъ устъ въ уста.

17 іюля. Г. Ксюнинъ ¹⁾ въ своей корреспонденціи описываетъ такъ наше наступленіе у Луцка:

Когда на четвертый день нашего наступленія во время допроса плѣнныхъ австрійскимъ офицерамъ сообщили, что русскими взяты Луцкъ—плѣнные не повѣрили.

— Не закручивайте намъ головы,—съострилъ одинъ по-польски, а остальные съ недоувѣріемъ пожимали плечами и дѣлали большіе глаза.

— Положимъ, вы прорвали нашу первую линію,—говорили плѣнные,—но Луцкъ взять не такъ легко. Предъ нимъ сильныя укрѣпленія...

Австрійцы правы. Передъ Луцкомъ были очень серьез-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 17 іюля 1916 г.

ныя укрѣпленія съ множествомъ опорныхъ пунктовъ по берегу Стыри. Взятіе города пришлось готовить штурмомъ, который былъ блестяще завершенъ въ теченіе пяти часовъ.

Тѣ же плѣнные офицеры рассказывали, что зимой въ Луцкѣ прѣзжалъ самъ императоръ Вильгельмъ. Слухи объ этомъ доходили и до мѣстныхъ жителей. Вильгельмъ осматривалъ позиціи на Стыри и призналъ ихъ неприступными.

Въ Луцкѣ стоялъ штабъ эрцгерцога Іосифа-Фердинанда и только послѣ австрійскихъ неудачъ, послѣ того, какъ „неприступное“ оказалось приступнымъ, когда русскія войска перешли Икву, Стырь и грозной лавиной стали на Стоходѣ, послѣ того, какъ австрійцы и постепенно вливавшіеся къ нимъ германцы потеряли около трехсотъ тысячъ плѣнными и до полумилліона убитыми и ранеными, только тогда общее командованіе перешло къ фельдмаршалу Макензену.

Луцкѣ мы вернули на четвертый день наступленія. Артиллерія открыла пальбу съ десяти утра, подготовила штурмъ, а къ восьми вечера, послѣ сильнаго боя, наши передовыя части входили въ городъ.

Недавній предѣлъ на узенькой Иквѣ остался далеко позади. Австрійскіе окопы, строившіеся будто на вѣчныя времена, ихъ офицерскіе городки, подземныя сооруженія— все это уже перешло во владѣніе русскаго солдата.

О непріятельскихъ укрѣпленіяхъ волянскаго и галиційскаго районовъ много писалось. Мнѣ самому въ апрѣлѣ, за мѣсяць до наступленія, приходилось слышать то же самое отъ многихъ нашихъ офицеровъ. На наблюдательныхъ пунктахъ мнѣ показывали безконечныя ряды толстой проволоки, за которой бѣлѣли бетонированныя траншеи. По ту сторону австрійскихъ окоповъ таяли дымки поѣздовъ, а летчики рассказывали, что узкоколейка подходила у непріятели къ самымъ землянкамъ и подвозила припасы и снаряды. Тѣ, кто сидѣли противъ австрійцевъ и, постепенно сближался съ ними, мѣстами подошли на шестьдесятъ или на сто шаговъ, знали, сколько пулеметовъ и минометовъ стоятъ у противника въ первой линіи и сколько за ней притаилось орудій. Сильной и выросшей казалась австрійская техника, но настроеніе нашихъ войскъ еще передъ наступленіемъ обѣщало, что въ случаѣ нужды оно выльется въ большое и грозное.

Австрійскія землянки, ихъ норы и офицерское жильѣ часто крѣпче и прочнѣе нашихъ деревенскихъ избъ. Онѣ выстроены изъ толстыхъ бревенъ и перекрѣты желѣзо-бетонными балками. Если и это казалось не надежнымъ, везли рельсы и укладывали ихъ вмѣсто потолка надъ землянками австрійскихъ офицеровъ. Смотришь на нихъ, ходишь по длиннымъ высокимъ галлереймъ, и кажется, что люди заботились только о собственномъ благополучіи, о своей неприкосновенности и о пріятномъ житьѣ, не взирая ни на какія условія. Въ двухъ-трехъ верстахъ шла жесточайшая борьба, а за второй линіей въ лѣсу офицеры благодушествовали въ своихъ маленькихъ крѣпостяхъ и, чтобы тѣшить свой взоръ, разбивали передъ окнами клумбы, усаживали ихъ цвѣтами и облетали свои сады и огороды березчатыми лаборчиками. Нѣкоторые понастроили даже причудливыя узорчатыя бесѣдки изъ бересты, вколотили подъ каждой вишней по скамейкѣ и проложили къ своимъ домамъ дороги изъ сплошныхъ брусьевъ.

До чего доходили заботы о самосохраненіи. Подъѣхавшіе офицеры осматриваютъ австрійскія укрѣпленія. Подходятъ къ башенкѣ, сложенной изъ кирпичей и декорированной подъ тонъ общей обстановки.

— Замѣчаете вы что-нибудь въ этой башнѣ?

— Ничего... Обычная австрійская землянка, крытая цементированными балками...

Вошли во внутрь. Небольшое убѣжище съ едва замѣтнымъ оконцемъ для наблюденія.

Снова вышли изъ блиндажа и стали разглядывать.

— Видите окно...—спрашиваетъ артиллеристъ.

Опять никто ничего не видитъ. Стали разглядывать вблизи. Совсѣмъ мозаичная работа. Обожженные кирпичи, положенные вдоль и поперекъ и окна не отличить, такъ какъ оно маскировано подъ черный кирпичъ. Художественная работа.

Сидѣвшіе на Иквѣ и Стыря слишкомъ понадѣялись на бездушныя силы войны. Они считали себя неприступными за своими цементированными блиндажами, въ своихъ лисьихъ норахъ, врытыхъ сажени на двѣ въ землю, въ своихъ высокихъ ходахъ сообщеній; а послѣ авторитетнаго свидѣтельства императора Вильгельма, вѣроятно, и повсе успокоились.

Потому и удивились плѣнные австрійскіе офицеры, когда имъ сказали, что на четвертый день наступленія русскіе

взяли Луцкъ. Захваченные въ первый день, они не знали объ успѣхахъ арміи генерала Каледина.

А успѣхи были.

Въ первый день прорывъ оказался на пятнадцать верстъ, во второй на двадцать пять и въ третій на сорокъ. Артиллерія била по проволочкѣ, блиндажамъ, а пѣхота гнала неприятеля.

Все, что сидѣло въ нашемъ окопѣ, встало и пошло. Хлынула волна людей и захлестнула австрійскія траншеи.

Неприятеля какъ смывало. Во многихъ мѣстахъ близость окоповъ позволила настигнуть противника въ одну перебѣжку. На другихъ участкахъ давалось труднѣе, и не прекращавшіеся до Луцка бои вспыхнули подъ этимъ городомъ съ новой силой.

Слышалъ такой разговоръ: идутъ по Гороховой послѣ полудня трое рабочихъ. Двое пожилыхъ и одинъ молодой. Молодой обращается къ своимъ товарищамъ и говоритъ— пойдемъ и закусимъ икоркой.

Пропаганда Финляндскаго сепаратизма удается куда лучше во враждебныхъ Россіи странахъ, чѣмъ у союзниковъ. „Московскія Вѣд.“ отмѣчаютъ крайнее неудовольствіе финляндской печати помѣщенною въ „Political Quarterly“ статьей лектора англійскаго языка въ Гельсингфорскомъ университетѣ, Артура Рида.

Отдѣленіе отъ Швеціи и благосклонность русскихъ царей и ихъ могучая защита дали странѣ возможность расти и развиваться, какъ никогда ранѣе. Населеніе быстро шло впередъ, богатства страны постоянно возрастали. Финляндія получила самоуправленіе и являлась почти самостоятельной. Но Финляндія не созрѣла для этой самостоятельной задачи, и, когда Россія увидѣла, что центробѣжныя тенденціи Финляндіи заходятъ слишкомъ далеко, она должна была поставить преграду этимъ силамъ. Нельзя также признать, что финляндцы не виноваты въ настоящемъ положеніи своей страны. *Финляндцы только пользовались незаслуженными привилегіями, данными имъ Россіей, не стараясь взять ихъ понятиемъ и оцѣнить русскія точки зрѣнія въ русскія проблемы, гораздо болѣе значительныя, чѣмъ мѣстныя финляндскія. Тамъ, въ Финляндіи, никогда не дѣ-*

дали серьезныхъ попытокъ понять значеніе и различіе между подданствомъ Имперіи и національнымъ, провинціальнымъ гражданствомъ. Никогда финляндскіе политики не проявляли серьезнаго намѣренія изучить русскій языкъ и основу русскаго законодательства. Скорѣе можно было констатировать пагубную склонность увеличивать пропасть между Финляндіею и Россіей. Политическое сопротивленіе, процвѣтавшее 16 лѣтъ, представляетъ опасность для существованія страны, *ибо терпѣніе Россіи въ одинъ прекрасный день можетъ лопнуть, хотя Россія, въ противоположность Германіи, никогда не угнетала малыя націи и не проводила той послѣдовательной политики противъ нихъ, какъ, на примѣръ, Пруссія, Австро-Венгерія и Турція.*

Питье денатурата рабочими въ Петроградѣ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Бутылочка денатурата стоитъ 20 копѣекъ, а шинкари продаютъ за 3 р. Политура стала слишкомъ дорога, и теперь денатуратъ намѣвился по вкусу.

Уже теперь казенки не будемъ пить, говорятъ рабочіе, денатуратъ гораздо лучше.

Одинъ рабочій, пропустивъ стакачикъ денатурату, побѣжалъ къ водопроводному крану и, спустивъ струю воды, жадно наглотался холодной воды.

Вотъ какія картинки рисуютъ корреспонденты при недавнемъ занятіи нами городовъ на Волыни:

Австрійцы забыли, между прочимъ, уничтожить новаго «свидѣтеля ихъ безцеремоннаго отношенія къ нашимъ святынямъ». Они оставили несожженной нашу деревянную церковь, оборудованную подъ пивную.

Очищая Броды, австрійскія войска бросились разбивать винные погреба и склады. Напивались до безчувствія и тутъ же сваливались. Въ канавахъ у большого склада на Рыбедкой улицѣ нами была захвачена цѣлая кутящая компанія австрійскихъ унтеръ-офицеровъ. Они были такъ пьяны и такъ весело настроены, что при появленіи нашего

Вотъ какъ работаютъ наши сестры милосердія на питательныхъ пунктахъ ¹⁾, по словамъ г. Ксюнина:

Проѣзжаю мимо развалинъ церкви. Уцѣлѣла только часть ограды и, чтобы сохранить мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ, его обнесли березовымъ заборомъ.

Въ сторонѣ питательный пунктъ. Толпа солдатъ. Подъ навѣсомъ поятъ и кормятъ.

Меня тоже предупредили, чтобы непременно зашелъ къ сестрѣ Смирновой. Молодая, а по энергіи совсѣмъ Пурешкевичъ въ юбку. Одно время гдѣ-то въ захолустьѣ она ухитрялась доставать провизію на двѣ тысячи чело-вѣкъ въ день. А когда интендантство ей плохо помогало, пріѣхала въ штабъ корпуса и распекла генерала. Тотъ потомъ всѣмъ рассказывалъ:

Ни отъ кого выговоровъ не выслушивалъ, а отъ сестры Смирновой пришлось выслушать...

Въ просторной палаткѣ за стаканами чаю сидятъ офицеры. Кто-то сообщилъ, что на двякъ неподалеку бомбами съ аэроплана убило и ранило нѣсколько санитаровъ и уполномоченнаго.

— Мало я вѣрю въ аэропланы, — усмѣхается поручикъ, — а все-таки съ удовольствіемъ бы нанялъ парочку, чтобы они сбросили пятокъ бомбъ надъ Петроградомъ, — хотя бы при разѣздѣ съ острововъ или гдѣ-нибудь на Невскомъ.. Противъ же города трудно придумать...

— Всекому вадору вѣрять, — соглашается другой, недавно побывавшій въ нашей милой столицѣ.

Такъ говорили о Петроградѣ тѣ, которые сейчасъ въ наступленіи. Они далеко отъ насъ. Они у крайней черты, на берегахъ Стохода. Я не могу не передать ихъ словъ.

Сидѣвшая противъ меня сестра Смирнова вспомнила излюбленные австрійцами березки и разсудила по-своему:

— Говорятъ, культуру наводили, а какъя культура, если уничтожались деревья. Не вѣрю я вообще въ ихъ культуру... Допустимъ, что пристрастна къ нимъ, но я этого не скрываю. Они перевернули весь мой міръ... Не понимаю, зачѣмъ мы учились, ходили въ школы, читали хорошія книги, если приходится жить въ вѣкъ Вильгельма-варвара... Я теперь и книгъ въ руки не беру, да и некогда, — кормлю. Корову зарѣзавъ — дѣло, достать хлѣба или сахару — дѣло. Солдатъ накормить — тоже дѣло, а зачѣмъ книга...

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 Іюля 1916 г.

— Развѣ не устаете?—спрашиваетъ кто-то изъ офицеровъ.

— Не чувствуешь. Можетъ быть, потомъ и вступить реакція и захочется запереться ото всѣхъ и, взявъ ненавистную сейчасъ книгу, забраться поглубже на диванъ, чтобы никого не видѣть и не слышать, а пока подбодряетъ хорошее отношеніе... Уходить изъ палатки сытыми—вотъ и пріятно...

Капитанъ англійскаго коммерческаго парохода Фразъ защищалъ свой пароходъ отъ потопленія германскою подводною лодкою, и былъ за это растрѣлянъ дикими тевтонами. Каэвъ эта возбудила негодованіе во всей Британской имперіи. Въ Лондонѣ учреждена лига британскихъ подданныхъ, которая требуетъ суда надъ императоромъ Вильгельмомъ за умерщвленіе Фразъ и другихъ жертвъ.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ сообщаетъ такія свѣдѣнія о Кіевскихъ чудесахъ¹⁾.

Городской продовольственный отдѣлъ, несмотря на полугодовое его существованіе и на милліонъ рублей, уже истраченный имъ, не оказалъ рѣшительно никакого вліянія на торговцевъ, рѣшительно ничего не намѣнилось къ лучшему въ смыслѣ обезпеченія населенія жизненными продуктами.

Вы подумаете, быть можетъ, что въ дѣйствительности и вѣтъ никакихъ городскихъ продуктовъ, что милліонъ, отщепенный на ихъ закупку, истраченъ на другую какую-нибудь надобность, что обычно водится въ кіевскомъ городскомъ управленіи? Жестоко ошибаетесь: городскіе продукты есть въ дѣйствительности. Сколько ихъ и на какую сумму, никто, конечно, не знаетъ, но что они закуплены и существуютъ—это всѣ узнали на дняхъ изъ доклада завѣдующаго городскимъ продовольственнымъ отдѣломъ А. Н. Шефтеля объ... уничтоженіи большого количества хранившейся на городскихъ складахъ рыбы, которую продовольственному отдѣлу, закупившему ее еще зимой, „не удалось“ (sic!) до сего времени сбыть и которая оказалась „совершенно испорченною“. Вы думаете, что это и все, что, кромѣ рыбы, го-

¹⁾ „Новое Время“, 18 июля 1916 г.

родскимъ продовольственнымъ отдѣломъ ничего больше не закуплено? О нѣтъ! Кромѣ рыбы имъ закуплено большое количество и муки, но... Но съ ней ему, какъ видно изъ того же доклада г. Шефтеля, тоже „не удалось“: одна часть закупленной муки стала „горѣть“ на складахъ отъ солнца, а другая часть оказалась подмоченной дождемъ. Въ результатѣ—70 тысячъ пудовъ муки, стоимостью до 200 тысячъ рублей, оказались испорченными.

Итакъ, въ то самое время, когда кievляне платили 70 и 80 к. за фунтъ рыбы,—городскому продовольственному отдѣлу, закупившему по сравнительно дешевой цѣнѣ еще зимой большое количество рыбы, „не удалось“ сбыть ее, и она сгнила на городскихъ складахъ. Муку, закупленную для снабженія населенія, тоже „не удалось“ сбыть, и она тоже частью сгорѣла, частью сгнила.

Передавали, что одинъ изъ торговцевъ говорилъ: „Спасибо цѣмцамъ, благодаря имъ мы теперь поваживемся“.

Въ „Вечернемъ Времени“ сообщаютъ¹⁾, какъ зимовали въ Луцкѣ.

Каждый зимовалъ по-своему.

Завоеванные жили вироголодь: гордые завоеватели веселились. Развлекались не попросту, а съ толкомъ и въ зависимости отъ чина и ранга.

Въ Луцкѣ было устроено четыре увеселительныхъ учрежденія: для генераловъ, для офицеровъ, для унтеръ-офицеровъ и для солдатъ. Каждый шелъ, куда ему надлежало, и веселился, какъ умѣлъ. Въ генеральское учрежденіе, гдѣ устраивались танцевальныя вечера и попойки, съ дамами, вывезенными изъ Вѣны и изъ Польши, впускали чиновомъ не ниже полковника.

„Для объединенія“ предполагали построить общій кафешантанъ, заложили основаніе, но стѣпъ вывести не успѣли. Этому „полезному“ начинанію помѣшало русское наступленіе.

Изъ Москвы передаютъ въ „Вечернее Время“²⁾:

Сегодня городской голова выѣзжаетъ въ Петроградъ, чтобы представить предсѣдателю Совѣта Министровъ, ми-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 18 іюля с. г.

²⁾ „Веч. Вр.“ 18 іюля 1916 г.

вистру внутреннѣхъ дѣлъ и министру торговли и промышленности новыя докладныя записки по дѣлу общества 1886 года. Въ этихъ запискахъ возбуждается вопросъ о скорѣйшей ликвидаціи предпріятія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражается протестъ противъ повышенія тарифа на электрическую энергію. Въ связи съ представленіемъ этихъ записокъ въ городскомъ управленіи складывается убѣжденіе въ необходимости освѣтить дѣятельность предсѣдателя правленія общества ген. Свепторжецкаго по отношенію къ общественнымъ организаціямъ. Генералъ былъ назначенъ предсѣдателемъ послѣ Тимирязева, до этого онъ состоялъ въ фирмѣ Сименсъ и Гальске, одного изъ крупныхъ акціонеровъ общества 1886 г. Въ обществѣ 1886 года генералъ явно занялъ враждебную позицію по отношенію къ общественнымъ организаціямъ и покровительственную по отношенію къ акціонерамъ.

Корреспонденты съ фронта подмѣтили ¹⁾ новое отрадное явленіе, которое сопровождаетъ теперь наши военныя дѣйствія:

„Помимо личной лихости и самоотверженности русскихъ войскъ, не знающихъ непреодолимыхъ преградъ, усилію содѣйствовало, главнымъ образомъ, искусство нашихъ генераловъ и офицеровъ, сумѣвшихъ сохранить свои приготвленія къ новому натиску въ строгой тайнѣ. Австріяцы были захвачены врасплохъ.

Вообще, теперь замѣчено отрадное явленіе: противники какъ-то меньше стали осведомлены о нашихъ планахъ и намѣреніяхъ. Былину о томъ, какъ перевелись предатели на святой Руси, еще не скоро повѣдаютъ намъ баяны, но, во всякомъ случаѣ, темные слуги кроваваго кайзера сильно присмирѣли. А, вѣдь, совсѣмъ недавно едва лишь какой-либо полкъ появлялся на позиціяхъ, какъ австро-германцы уже посылали ему привѣтъ: „Здоровы, братцы такого-то полка. Мы васъ ждали еще вчера. Что же вы опаздываете?“.

Теперь наоборотъ. На-дняхъ былъ найденъ при одномъ изъ плѣнныхъ приказъ генерала Пухалло, въ которомъ говорится, что русскіе, благодаря прекрасно поставленной развѣдкѣ, узнали о готовящемся 4—5 іюля наступленіи австро-германской группы войскъ на Липѣ и неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе предупредили ихъ замыслы.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 18 іюля 1916 г.

„Биржевыя Вѣдомости“¹⁾ сообщаютъ со словъ изобрѣтателя Н. П. Пузыревскаго о его изобрѣтеніи.

„Сущность моего изобрѣтенія состоитъ въ слѣдующемъ. Представьте себѣ 2 большихъ поплавка, которые находятся на различныхъ горизонтальныхъ уровняхъ воды. Каждый поплавокъ представляетъ собою довольно большой величины ящикъ изъ желѣзо-бетона, имѣющій форму усѣченной пирамиды, безъ дна. Въ верхней части каждаго поплавка имѣется углубленіе, въ которое помѣщается судно. Оба поплавокъ соединены между собою трубой. Какъ я уже упомянулъ, поплавокъ безъ дна, и въ нижней части ихъ, подъ небольшимъ давленіемъ, находится известное количество воды. Вся система поплавковъ уравновѣшена такъ, что она находится въ состояніи безразличнаго равновѣсія, и стоитъ только добавить небольшой грузъ, чтобы верхній поплавокъ началъ опускаться, а нижній началъ подыматься, до тѣхъ поръ, пока оба они не очутятся на одномъ уровнѣ. Тогда судно, находящееся на верхнемъ поплавкѣ, по горизонтальной плоскости легко можетъ быть передвинуто на нижній поплавокъ, который затѣмъ снова опустится до самаго нижняго положенія, т. е. будетъ достигнуто то, что теперь достигается шлюзами“.

19 июля. Въ Кіевѣ образовалась негласная комитетъ дѣльцовъ капиталистовъ, начавшихъ усиленно скупать сахарныя заводы, платя очень крупныя суммы.

Для назиданія заячьихъ душъ тыла приводимъ письмо прапорщика Осипова къ матери²⁾. Это письмо было написано еще при жизни для отправленія въ случаѣ его смерти:

Прапорщикъ Осиповъ 6 января 1916 года былъ смертельно раненъ и умеръ на перевязочномъ пунктѣ, а письмо это отправлено его матери. Копія съ него была прислана теткой Осипова къ свѣдѣнію г.г. офицеровъ 19-й артиллерійской бригады, гдѣ онъ доблестно служилъ:

„Милая мамочка, мнѣ невыразимо больно, что я долженъ тебѣ писать все то, что ты найдешь ниже. Я думаю, что все же лучше написать „на всякій случай“. Ты, конечно,

¹⁾ „Вирж. Вѣд.“ 18 июля 1916 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 19 июля 1916 г.

поймешь, что, идя на войну охотникомъ, я само собою разумѣется, шелъ въ дѣло при первой возможности. Много я уже видѣлъ, многое увижу впереди и, можетъ быть, заплачу за это даже жизнью. Это недорогая цѣна за все пережитое, вѣдь, только рискуя головой ежесекундно, начинаешь испытывать чувство жизни во всей ея остротѣ. Безъ этого жизнь—пустое прозябаніе, я не хотѣлъ прозябать и можетъ быть погибну. Но найди утѣшеніе въ томъ, что сынъ твой хотѣлъ быть гражданиномъ своей родины на дѣлѣ и погибъ, не прячась за другія спины, а прикрывая собою другихъ. Мама, вспомни маленькую беззащитную Бельгію, вспомни стоны польскаго пограничнаго населенія, вспомни несчастную страну героевъ, Сербію и Черногорію, и ты, я думаю, согласишься, что даже самое глубокое горе отдѣльнаго человѣка окажется лишь малой каплей въ морѣ слезъ, проливаемыхъ сейчасъ въ Европѣ. Со мною встрѣчался одинъ сербъ (бывшій русскій офицеръ), недавно пріѣхавшій сюда по дѣламъ своего правительства. Онъ говорилъ, что въ Сербіи не осталось мужчинъ—мирныхъ обывателей, всѣ, какъ одинъ, встали на защиту своего отечества. Въ Парижѣ молодому человѣку моихъ лѣтъ стыдно показаться на улицѣ, въ Англии то же самое. Наша родина выдержала страшный натискъ тевтоновъ. Не долгі ли каждому гражданину защищать свою землю и всѣхъ на ней находящихся? Вѣдь, зная свои гражданскія права, надо не забывать и гражданскія обязанности, чтобы послѣ можно было прямо держать свою голову, заявляя о своихъ правахъ. Да ко всему этому, какъ ни мало я жилъ, я уже успѣлъ убѣдиться въ томъ, что жизнь далеко не такъ хороша, чтобы за нее стоило цѣпляться. Я думаю, что ты, которая пожила больше меня, не ставешь оспаривать этого. Ты, я полагаю, поймешь, къ чему я пишу все это. Я хочу разъяснить свой взглядъ на вещи, чтобы по возможности ты меньше сокрушалась, если со мной что-либо случится, а постаралась бы всю свою любовь и заботу обо мнѣ перенести на другихъ дѣтей, и дѣлать изъ нихъ честныхъ гражданъ, способныхъ къ мирной созидательной работѣ на благо русскому народу. На землѣ я сдѣлалъ свое дѣло, дѣло маленькое, незамѣтное, но оно оставитъ свой слѣдъ, слѣдовательно, я не даромъ жилъ. Я отлично понимаю, что причиняю (хотя и невольно) тебѣ страшное горе, но взгляни трезво на вещи, подумай и скажи, стоитъ ли мучиться зря. Я видѣлъ здѣсь кучи солдатскихъ труповъ. По каждомъ

изъ нихъ будутъ убиваться матери, жены. Но, мама, такое горе—животное горе: простымъ людямъ трудно возвыситься до сознанія того долга, о которомъ я говорю, и преклониться передъ нимъ. Тебѣ, какъ матери, конечно, будетъ очень тяжело, но, мама, вспомни, насколько выше ихъ стоишь ты, вѣдь ты училась, жила сознательной жизнью интеллигентнаго человѣка, и это даетъ мнѣ увѣренность, что ты исполнишь мою послѣднюю просьбу, возьмешь себя въ руки и разумомъ поймешь, что то, что случилось, не таить въ себѣ ничего ужаснаго. Дѣйствительно, не все ли равно, дожить до 50—60 лѣтъ, болѣть послѣднія десять лѣтъ и умереть на кровати, промучившись исправно, или погибнуть въ 21 годъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Я думаю, что послѣднее лучше во всѣхъ смыслахъ. Прощай, мама. Утѣшься, помни, что если сынъ твой и погибъ, то гибель его недешево стоила врагамъ нашей родины. Твой и въ этой и въ той жизни Володя*.

Изъ полученныхъ въ бригадѣ писемъ матери и тетки видно, что и младшій братъ его, увлеченный доблестнымъ примѣромъ старшаго брата, не задумываясь, идетъ по его стопамъ, поступивъ въ военное училище.

Мать прапорщика Осипова, имѣя еще трехъ дѣтей, служитъ санитарнымъ врачомъ въ гор. Тифлисѣ (предмѣстье Ваке) и помимо получаемаго незначительнаго содержанія другихъ средствъ не имѣетъ. Потерявъ въ лицѣ прапорщика Осипова своего старшаго сына, опору семьи, она посылаетъ другого ему на смѣну!

Общая площадь наѣмчяныхъ къ ликвидаціи нѣмецкихъ земель составляетъ 3.256.033 десятинъ. Позапаслись таки г.г. нѣмцы русской землицей.

А сколько ея не вошло въ эту цифру?

Съ введеніемъ таксы на обувь, въ Твери, какъ и въ другихъ городахъ, сапожные магазины, будто по щучьему велѣнію, оказались безъ обуви. Однако, тверячи, до нѣкоторой степени, нашли выходъ изъ создавшагося положенія, широко пользуясь обувью на деревянныхъ подошвахъ, получаемой изъ Корчевы. По словамъ „В.“ такая обувь готовится арестантами корчевской тюрьмы.

Мужскіе желтые ботинки съ ремнями изъ простой кожи стоятъ 1 р. 85 к., дамскіе изъ черной кожи—2 р. 90 к. Подошвы у такихъ дешевыхъ ботинокъ сдѣланы изъ осиновыхъ дощечекъ.

Спросъ на обувь огромный. Корчевская тюрьма не успѣваетъ выполнять заказы.

19—20 *юля*. Его королевское высочество королевичъ греческій Николай 19 сего *юля* возвратился изъ поѣздки и прослѣдовалъ въ Павловскъ ¹⁾.

Г. Шаозерскій въ „Вечернемъ Времени“ сообщаетъ о такихъ продѣлкахъ россійскихъ духовныхъ нѣмцедюбовъ по торговлѣ воскомъ, что жутко ихъ приводить въ нашихъ замѣткахъ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ ²⁾ передаетъ свое впечатлѣніе о мѣстахъ недавнихъ боевъ, которыя онъ посѣтилъ:

„Мнѣ рассказывали, что переправа эта была трудна, но я убѣдился, что она была ужасна. За рѣкой простиралось двухверстное болото съ переброшенной черезъ него узкой деревянной настилкой, которое наши войска вьзали подъ ураганнымъ огнемъ батарей противника. Австрійцы не жалѣли снарядовъ, чтобы помѣшать нашей переправѣ. Въ этомъ они расписались огромными черными воронками, усѣявшими все болото, задернутое теперь легкими клубами вечернихъ испареній. Насъ неприятно поразило, между прочимъ, воздухъ этого израненнаго болота. Это не было трупное зловоніе, а нѣчто еще болѣе кошмарное, — это былъ запахъ мясной лавки въ жаркій лѣтній день, гдѣ залежался товаръ, и неопратно смываются стойки. Глаза невольно всматривались въ каждую кочку, въ каждую тряпку на болотѣ. Но бездонная трясица заботливо скоривила слѣды недавней трагедіи: ни раненыхъ, ни мертвыхъ— все впитала въ себя холодная тина. Но вотъ, наконецъ, кончилось это братское кладбище для живыхъ и убитыхъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 *юля* 1916 г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 19 *юля* 1916 г.

а тутъ новое царство ужаса — маленькій лѣсъ передъ деревней Клекотовомъ.

Я много разъ видѣлъ лѣса, сломанные сильнѣйшими ураганами, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что произвела въ лѣсу наша артиллерія.

Вѣковыя разбитыя въ щепы сосны, бревна окоповъ и блиндажей, остатки какихъ-то строеній, — все смѣшалось, какъ въ мусорномъ ящикѣ. Неудивительно, что австріяцы не усидѣли здѣсь и двухъ часовъ. Утромъ въ этомъ лѣсу они чувствовали себя въ своихъ окопахъ прекрасно, а въ полдень ихъ убѣжища стали могилами. Что ни окопъ, то гекатомба труповъ, обезображенныхъ адскими взрывами снарядовъ. Только теперь мнѣ стало понятно, почему австрійскіе солдаты такъ боятся нашего артиллерійскаго огня.

Мы съѣздили въ Клекотовъ, переходившій изъ рукъ въ руки. Какимъ-то чудомъ эта деревня уцѣлѣла. Только на мѣстѣ господскаго двора дымилась груда червыхъ балокъ.

1, 7, 18 и 19 городскія попечительства возбуждали ходатайство объ отпускѣ имъ средствъ на 3 года на организацію общественныхъ столовыхъ для борьбы съ современной дороговизной. Въ добрый часъ. Отчего этому благому примѣру не послѣдуютъ другія попечительства?

Въ Россію является значительный наплывъ тѣхъ лицъ, которыя вышли изъ руссійскаго подданства и приняли подданство С.-А. Штатовъ, Аргентины и Голландіи. Эти бывшіе русскіе безпрестанно выѣзжаютъ и возвращаются въ Россію. Какими темными дѣлами они занимаются? Необходимо ограничить ихъ права.

Передаютъ, что въ послѣднее время петроградскіе булочники стали спекулировать съ мукой.

Вотъ одна изъ картинокъ недавнихъ боевъ ¹⁾:

Сдѣлали версты четыре. Дальше ѣхать нельзя. Не про-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 июля 1916 г.

лазное болото. По кочкамъ набросаны сучья, по нимъ везли орудія, и изъ подъ нихъ просачивается вода.

Вчера тутъ шелъ бой, который мы видѣли издали, съ наблюдательнаго пункта.

Совсѣмъ, какъ послѣ урагана. Я помню въ журналахъ французскіе снимки тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя прошла война. Но лѣсъ за Слопеккой страшиѣ всѣхъ картинъ.

Старія громадныя деревья какъ бы спилены. Другія глядятъ причудливыми расщеплинами. Одно расколото звѣздой, и оно бѣлѣетъ надъ грудой наваленныхъ сосенъ.

Между деревьями воронки отъ тяжелыхъ снарядовъ. Пруды, а не воронки.

Лѣсъ валяло, ломало и счищало старыя дубы и высоченныя сосны. Кололо, какъ щепу. Трупный запахъ, удушливый, разлагающій.

Вчерашніе окопы и землянки австрійцевъ. Они брошены поневолю. И около нихъ лежатъ распластанныя трупы австрійцевъ. Кто ничкомъ застигнутый пулями вдогонку, кто на синаѣ, пораженный шрапнелью.

Изъ землянокъ выброшены всякія хламъ. Торчатъ зеленныя жестяныя кровати съ мѣдными украшеніями, валяются умывальники и зеркала, катки для бѣлья, пустые боченки, множество гранатъ, ранцевъ и патроновъ.

По лѣсу и дальше по болоту синѣютъ брошенныя шинели австрійцевъ. Раскиданы ружья, лопаты, кирки, груды патроновъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“ напечатано:

„Завѣдывающій дѣлами общества тарифныхъ сѣздовъ циркулярно предложилъ всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и заинтересованнымъ организаціямъ считать отмѣненнымъ его циркуляръ отъ 21 мая о запрещеніи платежей фирмъ Гергардъ и Гей. Циркуляръ отмѣненъ на основаніи полученнаго управляющимъ отдѣломъ общества тарифныхъ сѣздовъ отношенія правленія общества Московско-Казанской жел. дороги, въ которомъ онъ сообщаетъ, что какъ разъясненіе правленія акціонернаго общества Гергардъ и Гей, скрѣпленное подписью правительственнаго инспектора, такъ и разъясненіе особой канцеляріи по кредитной части установили, что названная фирма является русской.“

Небезынтересно напомнить, что въ последнемъ совѣщаніи заступаніи по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ подѣ

предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскаго постановлено секвестровать предпріятія общества Гергардъ и Гей, какъ явно германскаго.

Ну, а какъ считать „Гергарда и Гей“ въ Лейпцигѣ, русской фирмой или нѣмецкой?

Строитель Нижегородской тюрьмы инженеръ Коль посаженъ въ эту же тюрьму губернаторомъ на 3 мѣсяца за двукратное произнесеніе крайне дерзкихъ выраженій, оскорбляющихъ русское національное чувство.

21 іюля. Медицинская академія въ Парижѣ заслушала доклады докторовъ Николтъ и Блэзо о достигнутыхъ ими результатахъ успѣшнаго леченія сыпного тифа посредствомъ впрыскиванія особой сыворотки. Опытъ сдѣланъ на 38 тяжелыхъ больныхъ, недавно прошедшихъ курсъ леченія впрыскиваніемъ, которое привело къ быстрому выздоровленію. Пятая часть больныхъ выздоровѣла безъ всякихъ осложнений, весьма частыхъ при этой болѣзни. Смертность въ тяжелыхъ случаяхъ, при указанномъ способѣ леченія, понизится съ 25 проц. до 3 проц. ¹⁾.

Г. Ксюпинъ ²⁾ передаетъ, какъ во время нашего послѣдняго наступленія наши войска берегли посѣвы:

— И вы посмотрите, какъ они удивительно прошли! — замѣчаетъ мой спутникъ, полковникъ Б—въ.—Взгляните на посѣвы!

Дѣйствительно, есть чему удивиться, и чѣмъ полюбоваться.

Всюду, куда ни глянь—безбрежныя, благодатныя нивы, поля ржи, ячменя, высокой конопки и кукурузы, веселые квадраты желтыхъ подсолнуховъ, въ стройномъ и дисциплинированномъ равеніи повернувшихъ свои головы къ окончательному богу жизни и дѣтя...

И ни одной погравы, ни одного вытопаннаго мѣста.

Все цвѣтетъ, растетъ и зреетъ, и на поляхъ спокойно работаютъ одѣтые въ свой бѣлый парадъ буковинцы, убирающіе спѣлое и высокое „жито“.

1) „Нов. Вр.“ 21 іюля 1916 г.

2) Тамъ же.

Все это даетъ возможность сдѣлать два вѣскихъ и неоспоримыхъ заключенія, весьма пріятныхъ для русскаго сердца.

Первое—это то, что ни австрійцы, ни нѣмцы не вѣрили въ возможность нашего наступленія и во всякомъ случаѣ въ такую его быстроту и силу.

Въ противномъ случаѣ они никогда бы не оставили намъ несжатыми своихъ полей и успѣли бы скосить и увезти съ собою уже въ то время почти совсѣмъ зрѣлые хлѣбные злаки.

Во-вторыхъ—не учли нашихъ силъ и знаменитые учителя австрійцевъ, господа нѣмцы. Если бы они знали, что мы не только умѣемъ отступать передъ ними, но и сами въ свое время сумѣемъ раздавить врага и заставить его бѣжать въ глубь страны—они научили бы своихъ голодныхъ союзниковъ использовать каждый колосъ и не отдавать его въ наши руки.

Въ-третьихъ—ветронутыя и зрѣющія ивы указываютъ на то, какъ хорошо велось наше наступленіе и какъ увѣренно и въ какомъ порядкѣ двигались за врагомъ наши войска.

Доказываетъ и то, что сбереженные поля дадутъ покою и сытые дни деревнямъ Буковины и не превратятъ ихъ въ голодныхъ бѣженцевъ и бездомныхъ бродягъ, причиняющихъ намъ новыя заботы.

И вотъ идетъ среди этихъ благодатныхъ и освященныхъ русскою побѣдой полей нашъ поѣздъ.

Передаютъ, что мукомолы въ Саратовѣ Шмидтъ, Борель и Рейнеке держатъ въ плѣну весь Саратовъ. Они сплавляютъ муку въ своихъ баржахъ по Волгѣ миллионами пудовъ по 18 руб. за пятипудовый мѣшокъ и отказываютъ въ продажѣ муки горожанамъ.

Вотъ какіе разговоры равеныхъ приходится выслушивать сестрѣ милосердія ¹⁾:

— Сестра,—шепчетъ раненый, стараясь не нарушить покоя спящихъ,—напиши моей женкѣ, что я живъ, что мы нѣмца прогнали съ нашей деревни; наша изба цѣла, только дверь сняли... Зарытыя вещи германъ не трогалъ, трава

¹⁾ „Вирж. Вѣд.“ 21 Іюля 1916 г.

на томъ мѣстѣ высокая растеть, видно, что никто туда не ходилъ. Я хотѣлъ разрыть и поглядѣть, да боялся землю ворошить, еще алодью дорогу покажешь къ своему же добру... Сестричка, скажи только правду—я не помру?—неожиданно прерывая свою мысль, говорить больной, съ тревогой глядя на меня.

И его успокаиваю, но онъ не слушаетъ моихъ словъ, а пристально и мучительно долго смотритъ мнѣ въ глаза, желая только въ нихъ найти правдивый отвѣтъ; затѣмъ медленно переводитъ свой взоръ на икону св. Николая Чудотворца, и, забывая о письмѣ и обо мнѣ, начинаетъ горячо молиться Угоднику.

22 июля. Въ Гельсингфорсѣ исчезаетъ мелкая разнѣнная монета. Куда она дѣвается, не извѣстно. Между тѣмъ за время войны монеты отчеканено столько, сколько ея выпущено за послѣднія 30 лѣтъ до начала войны. Кому г.р. Финляндцы препровождаютъ монету сію?

Корреспондентъ „Новаго Времени“ ¹⁾ такъ описываетъ боевую дѣятельность нашей батареи:

Бой въ раагарѣ, батарея работаетъ во всю. Наводчики то и дѣло протираютъ наболѣвшіе глаза, правильные падаютъ отъ усталости, подносчики патроновъ, хотя въ помощь имъ приданы вѣкторные изъ денщиковъ и уборщиковъ офицерскихъ лошадей, обливаются потомъ и насилу успѣваютъ подносить по ходамъ сообщеній патроны изъ глубокихъ и солидныхъ блиндажей-хранилищъ. Установщики трубокъ тоже переутомились работой и хотя, когда стрѣляли гранатой, прямого дѣла у нихъ не было, но небывалое прежде количество патроновъ, выпускаемыхъ батареей, принудило и ихъ принять участіе въ перевозкѣ „гостинцевъ“.

Командующій на батарее штабсъ-капитанъ Л—ловъ тоже еле держится на ногахъ. Еще бы, теперь офицеры артиллеристы на расхватъ; командиръ на своемъ пунктѣ, одинъ изъ офицеровъ на боковомъ наблюдательномъ пунктѣ, другой на передовомъ — съ пѣхотой. Одному неустанному шт.-капиталу Л—лову приходится держать въ своихъ рукахъ батарею. Одна только подача команды при несмолкаемомъ грохотѣ орудій требуетъ такого напряженія голосовыхъ связокъ, которое не каждому прославленному тенору

¹⁾ „Нов. Вр.“ 22 июля 1916 г.

въ ногу, а вѣдь это только одна изъ многихъ и сложныхъ обязанностей старшаго офицера. Хорошо, что въ батареѣ есть такіе лихіе помощники, какъ взводные фейерверкеры Шкира, Медикъ и Шивкаренко, хорошо, что батарея слажена и сбита прежними боями, прогремѣвшими и прославившимися своей напряженностью на весь міръ.

Четверка храбро наступала,
Но врагъ сильнѣе былъ разъ въ пять
И подъ Бреслау показала,
Какъ нужно съ пользой помирать...

Такъ поется въ бригадной пѣснѣ и со времени перваго нашествія русскихъ полковъ въ Восточную Пруссію, со времени августовскихъ боевъ 1914 г. создала себѣ славу выходящая съ честью изъ самыхъ тяжелыхъ положеній героическая бригада свачала подъ командой ген. Ч—а, а потомъ руководимая доблестнымъ ген. Сед—вымъ.

Такого запаса снарядовъ не было еще никогда. По вырытымъ ходамъ сообщенія ихъ приходилось таскать изъ спеціально построенныхъ подземныхъ хранилищъ. Хранилища эти были положительно переполнены шрапнелями и главнымъ образомъ „тротилками“; сдѣланы они были насколько возможно основательнѣе, но, конечно, выдержать массивный снарядъ артиллеріи крупнѣйшихъ калибровъ они не могли, и на батареѣ вѣсь было ясно, что, попади хоть одинъ „чемоданъ“ въ любой изъ погребовъ, и не только отъ людей, но и отъ самой батареи не останется и слѣда. Какъ вѣтромъ картонный домикъ разнесетъ.

Стрѣляли съ трехъ часовъ утра. Свачала часа два врагъ молчалъ, вѣроятно ошеломленный небывалой силой огня. Но около пяти, очевидно, непріятель пришелъ въ себя и всѣ его батареи набросились въ поискахъ нашихъ. Онѣ открыли адскій огонь. Пока еще наша пѣхота не двигалась, онѣ прилагали всѣ усилія, чтобы насъ нащупать. Наблюденія съ привязныхъ шаровъ, смѣлые полеты аэростановъ, обстрѣлъ площадями, по картѣ, все было пущено ими въ ходъ.

Вотъ очередь снарядовъ разрывается впереди прикрывающаго насъ гребня.

— Три секунды выстрѣлъ, — охрипшимъ голосомъ передаетъ полученную по телефону отъ командира батареи команду, штабсъ-капитанъ Л—ловъ.

— Три секунды выстрѣлъ,—слышны голоса взводныхъ между разрывами непріятельскихъ снарядовъ.

Черезъ каждыя три секунды стрѣляютъ орудія, какъ по часамъ, какъ по секундомѣру. А разрывъ непріятельскихъ снарядовъ все ближе и ближе. Съ того мѣста, гдѣ далеко отъ телефона стоитъ во весь ростъ, безъ прикрытія шт.-кап. Л—ловъ, не видно праваго фланга батареи, а тамъ уже выбыло два орудійныхъ номера. Одинъ убитъ на мѣстѣ, другому оторвало руку.

Подбѣжали санитары, насилу волоча по узкому ходу сообщенія носилки. Но о потерѣ дальше своего орудія да случайно увидавшаго несчастье сосѣдняго орудія никому неизвѣстно.

Боевая традиція бригады никого не беспокоитъ убылью во время боя. Каждый знаетъ свое дѣло: санитары окажутъ помощь пострадавшимъ, замѣнятъ ихъ своимъ распоряженіемъ тѣ, кому полагается „по уставу“, и не дѣло отрывать для этого отъ боя командный составъ.

Уже надъ самой батареей бѣшено несутся непріятельскія гранаты и шрапнели, но какъ ни въ чемъ стоитъ во весь ростъ на своемъ мѣстѣ офицеръ и, не обращая вниманія на убыль, точно исполняетъ телефонныя приказанія командира.

Орудійная прислуга работаетъ, какъ машина. Убывшіе замѣняются „по уставу“ и съ точно устанавливаемыми командуемыми уставовками, какъ по хронометру, черезъ три секунды рывкаютъ трехдюймовки.

А по ходамъ сообщенія работаютъ санитары.

— Братцы, попить бы...—проситъ раненый.

На ходу бросаетъ ему наводчикъ флягу и сейчасъ же углубляется въ свое дѣло; ни на секунду не въ правѣ онъ прекратить свою работу.

Раненому поможетъ санитаръ и каждый полонъ сознаніемъ, что бы ни случилось, онъ долженъ дѣлать свое дѣло, и прервать его хоть на секунду, хотя бы для помощи товарищу,—преступленіе.

Въ этомъ вся сила, въ этомъ ключъ побѣды, успѣхъ.

Здѣсь, на батарее, выбываютъ единицы, ну, десятки, а тамъ, гдѣ наступаетъ пѣхота, тамъ идетъ дѣло о сотняхъ. Одинъ снарядъ, выпущенный не черезъ три секунды, а съ запозданіемъ, неправильная установка на какое-нибудь дѣленіе трубки прицѣла, и ужъ непріятель имѣетъ возмож-

ность. имѣть лишній шавсъ, укрѣпиться, перебѣжать, а какъ слѣдствіе этого—лишнія жертвы у насъ.

Подбѣгаетъ къ раненому, упавшему около орудія, санитаръ.

— Отлежусь я, бормочетъ раненый герой, — снаряды вона носить трудно, подсоби-ка, поднеси, а я отлежусь. доберусь до хода-то какъ-нибудь...

И идутъ санитары подносить снаряды и не рѣдѣетъ огонь батареи. Одному изъ установщиконъ трубокъ осколкомъ серьезно ранить ногу.

Полезъ въ лазаретный блиндажъ, — говоритъ ему наводчикъ.

— Услыю, — хмуро отвѣчаетъ раненый и, сидя на краю ровика, продолжаетъ устанавливать трубки.

Всѣ, всѣ хотятъ участвовать въ вырисовывающейся побѣдѣ. Раненые „забываютъ“, что они ранены, отказываются признать себя, пока идетъ бой, негодными къ участию въ общей побѣдной работѣ. А другимъ „цѣльнымъ“, кромѣ специально приставленныхъ къ санитарному дѣлу, теперь, въ данный моментъ, дороже „работающіе“. Другъ, братъ родной ранены: ну, что же? Судьба. Онъ одинъ, а если вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, идти къ нему на помощь, оставить пушку, оставить снаряды, то убитыхъ и раненыхъ будутъ уже десятки, сотни. И сами пострадавшіе думаютъ такъ же и, какъ бы имъ тяжело ни было, ронить къ „работѣ“ тѣхъ малодушныхъ, которые, ради жалости, пытаются оставить свою работу для помощи раненому.

Въ этомъ есть героизмъ, въ этомъ важна сила, въ этомъ самопожертвованіи ради общей цѣли наша побѣда, наше могущество.

— Братцы, вли же къ пушкѣ, стрѣлять надо. — вотъ тотъ окрикъ, съ которымъ встрѣчаютъ раненые своихъ добрыхъ, но малодушныхъ товарищей, спѣшащихъ къ нимъ на помощь во время стрѣльбы.

И они конфузятся.

— Лучше смерть, лучше муки, лишь бы побѣда, — вотъ лозунгъ нашихъ стрыхъ героевъ, и этотъ лозунгъ святъ имъ и тогда, когда на дѣлѣ приходится страдание.

Г. Федотовъ такъ описываетъ бойцовую атаку тевтонцевъ:

Вотъ замолчала послѣдній пулеметь, и пѣхота бросилась на штурмъ высоты, а батарея получила приказъ:

— Скакать слѣдомъ и бить по отступающимъ австрійцамъ.

Выскочили на высоту, прямо на открытую позицію. По долинамъ прямо на виду тянутся сивеватыя левты отступающихъ, но батарея пришлось сдѣлать по нимъ лишь два выстрѣла, ибо изъ долины Чернаго Потока вылетѣли текинцы подь командой полковника.

Какъ рожь подь вѣтромъ, колеблются ихъ неровныя, мчащіяся группы, вьются пестрые халаты, высоко вздымаются огромныя бараныи шапки.

Страшно смотрѣть.

Австрійцы оборачиваются, нѣкоторые стрѣляютъ, большинство просто бѣжитъ. Офицеры пытаются организовать сопротивленіе, одинъ даже стрѣляетъ изъ револьвера въ непослушныхъ, но все напрасно: паника охватываетъ отступающихъ, и все тонетъ.

Вотъ доскакали. Колотъ и рѣжутъ. Именно рѣжутъ, а не рубятъ. Въ этомъ и есть настоящее искусство сабельнаго удара. Падаютъ люди, падаютъ головы.

Текинцы преслѣдуютъ уже группы и отдѣльныхъ людей. Сзади, среди убитыхъ, поднимаются нарочно упавшіе и стрѣляютъ въ спины всадниковъ.

Замѣтили, повернули. Хитрецы стрѣляютъ, бѣгутъ и снова падаютъ, но текинцы пронзаютъ ихъ пиками, иногда саблями, склоняясь съ сѣдла къ самой землѣ; удары бываютъ такъ сильны, что пики, прокалывая тѣла, падаютъ землю, и ломаются древки.

Иногда назадъ лалетаетъ одинокая фигура текинца, онъ вывозитъ раненаго или убитаго товарища, иногда добычу, складываетъ въ тылу и снова мчится въ бой.

Во главѣ полка пошелъ въ атаку его командиръ. Одна пуля сбила шапку, другая ранила въ ногу. Офицеры оставили полковника, перевязали, и онъ смогъ сѣсть верхомъ и образно добхать самъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо артиллеріи, то сказалъ:

— Вы говорите моимъ (невольно хотѣлось добавить „двертямъ“, такъ зовутъ текинцевъ солдаты), чтобы собираніе войтъ въ долину, туда весь полкъ слѣдется.

Текинцы, благодаря своему удару, не только разогнали отступающихъ, но и сбили ихъ съ пути отступленія, и австрійцы побѣжали прямо на нашу пѣхоту, вѣроятно, вы

блрая изъ двухъ золъ меньшее. Взято ихъ было болѣе 3.500, и даже возникъ споръ, чьи это плѣнные. Но, по справедливости, это—плѣнные текинцевъ, ибо пѣхота ихъ только ловила, и безъ кавалеріи они бы ушли, даже оказывая сопротивленіе.

Долго еще рыскали текинцы по полю битвы, подбирая товарищей, ловя австрійцевъ, подгоняя плѣнныхъ. И горе тому, кто захочетъ удизнуть, пользуясь тѣмъ, что большую толпу провожаютъ 2—3 всадника. Ударъ пика или сабли,— и порядокъ установленъ.

Линія прорвана, и вся масса австрійцевъ начинаетъ отходить даже съ еще державшихся позицій. Это сразу чувствуется по артиллеріи: то она бьетъ ровно, мѣтко, то вдругъ начинается какая-то недѣльная пальба. „Пахъ, пахъ!“— рвутся высоко на небѣ шрапнели. „Жъ жъ, чекъ!“— клюютъ иная въ землю. То вдругъ цѣлая очередь улетитъ куда-то далеко черезъ головы. Это значитъ, что наблюдатели побѣжали со своихъ пунктовъ, и батареи стрѣляютъ наугадъ, оглядываясь на передки, чтобы только попугать наступающаго. Но это мало помогаетъ, и часто идетъ прямо безудержное бѣгство.

23 июля. Комитетъ по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ постановилъ ликвидировать извѣстныя предпріятія: фирму Швабе въ Москвѣ, Яковъ и Іосифъ Конъ и Артуръ Коппель.

Г. Болеславъ Шашковскій предлагаетъ 1) воскресить Польшу отъ Карпатъ до Балтійскаго моря и отъ Бѣлороссіи до нѣмецкихъ границъ.

Въ этомъ предложеніи недостаетъ только Украины, которая совершенно опредѣлила границы воскресшей Польши отъ моря до моря.

Охрана интересовъ нѣмецкихъ подданныхъ назначеніемъ особыхъ для того лицъ, якобы не заинтересованныхъ въ предпріятіи, ведется этими лицами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ усердно, что предпріятія становятся непри-

1) „Новое Время“ 23 июля с. г.

ступной нѣмецкой крѣпостью. За примѣрами ходить недалеко.

На ст. Твери обнаружено, что безименными накладными на конфекты въ Петроградъ слѣдоваль сахаръ.

Г. Носковъ сообщает ¹⁾ интересные данныя о нашей берестѣ:

Во всѣхъ портахъ на моемъ пути изъ Бергена вплоть до Вардо (Сѣверная Норвегія)—и въ самомъ бойкомъ портовомъ городѣ Бергенѣ, и въ бывшей столицѣ Норвегіи Дронтгеймѣ, и въ маленькихъ портахъ, скорѣе предназначенныхъ для рыбопромышленниковъ, — Буде, Нарвикѣ, Тромсе, Гамерфестѣ, Салднесеенѣ и Варде, огибая дикую Скандинавію и бродя по оживленнымъ пристанямъ, я былъ удивленъ обилію бересты. Береста эта, въ видѣ громадныхъ тюковъ, сложенная, какъ складываются листы хлопка или кожи, поднималась лебедками, паровыми кранами съ пристаней и трюмовъ пришедшихъ откуда-то морскихъ судовъ высоко въ воздухъ, потомъ тѣмъ же способомъ опускалась въ другіе трюмы—направляющихся на югъ пароходовъ.

Этотъ странный грузъ очень удивлялъ меня, и я обратился однажды къ одному норвежцу, видимо, моряку, судя по формѣ.

— Вы спрашиваете про бересту? — переспросилъ онъ, улыбувшись.

— Да,—отвѣтилъ я, немного даже смутившись.

— Да это самый дорогой нашъ грузъ!—воскликнулъ морякъ, даже довольный тѣмъ, что какой-то туристъ обратилъ свое вниманіе на невзрачные тюки драной бересты.

— Почему?

— Да потому, что его сильно спрашиваютъ теперь вездѣ и въ Швеціи, и въ Норвегіи, и повсюду, гдѣ растетъ только крупная береза. Къ сожалѣнію, у насъ въ горахъ Скандинавіи мало рослаго березоваго лѣса; но все же, вы видите, на нашу пристань доставляется этотъ нужный матеріалъ, и рѣдкое судно не привозитъ его изъ нашихъ фіордовъ. Но все же главный грузъ его слѣдуетъ къ намъ сюда съ сѣвера,—говорятъ, тамъ масса бересты...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 23 Іюля 1916 г.

— Куда же требуется эта береста?—спрашиваю.

Онъ даже удивился этому, казалось, вопросу:

— Разумѣется, въ Германію и въ Австрію. Береста теперь прекрасно замѣняетъ подметки, подошвы. Она и раньше употреблялась для обуви, но теперь особенно, когда въ Германіи совсѣмъ нѣтъ подошвенной кожи.

Но каково было мое удивленіе, когда въ Варде, этомъ пограничномъ, сосѣднемъ портѣ съ нашимъ Мурманомъ, я увидѣлъ тоже знакомые токи съ берестой. Оказывается, она идетъ изъ Архангельска и идетъ самымъ незамѣтнымъ образомъ, даже не обращая на себя вниманія нашихъ властей.

Въ Архангельскѣ, въ газетѣ „Сѣверное Утро“, я даже встрѣтилъ такое объявленіе: „Иностранецъ желаетъ купить бересту, а также желаетъ зафрахтовать пароходы или парусныя суда, чтобы доставить бересту въ Тромсе“. Слѣдуетъ адресъ иностранца, скупающаго цѣлыми пароходами и судами бересту.

24 июля. Почти два года войны въ достаточной степени выяснили германскую стратегію. Ни въ одной изъ всѣхъ предпринятыхъ германцами операций они не достигли поставленной цѣли. Въ началѣ войны они стремились разбить французскую армію, взять Парижъ и овладѣть Франціей. Шалонская битва положила конецъ первой германской операций. Она окончилась полусуспѣхомъ: занята Бельгія и часть Франціи. Армія французовъ цѣла, Парижъ не взятъ и германцы Франціей не овладѣли.

На слѣдующій 1915 годъ германцы поставили цѣлью обойти безъпарядную и безматронную русскую армію, съ обоихъ фланговъ, уничтожить ее. Операция не удалась. Армія осталась цѣла и германцы заняли Волынь, Польшу, Литву и Курляндію. Захватили часть территорію—дѣло ограничилось полусуспѣхомъ.

Цѣлью операций второй половины 1915 года поставлено уничтоженіе Сербіи, Черногоріи, и полный захватъ Балканскаго полуострова. Несмотря на взмѣну болгаръ Германія только овладѣла Сербіей и Черногоріей. Германія овладѣла территоріей Сербіи и Черногоріи, но кадры сербской арміи появились на Корфу, а войска союзниковъ прочно укрѣпились въ Салоникахъ. Опять полусуспѣхъ.

Въ началѣ 1916 года германцы поставили цѣлью пробиться у Вердена во Францію. Несмотря на страшныя жертвы и большыя потери имъ не удалось, и они овладѣли только окраин-

ными фортами Вердена. Уже тутъ явился не полууспѣхъ, а скорѣе, по принесеннымъ жертвамъ, полный неуспѣхъ.

Во второй половинѣ 1916 года Германія рѣшила наброситься на Румынію. Увидимъ, чѣмъ это кончится.

И такъ за все время войны повсюду германская стратегія нигдѣ не достигла намѣченной цѣли. Выполнена только одна цѣль—захватъ части территоріи противника для кормленія Германіи, а это не составляетъ задачи стратегіи.

Г. Филатовъ въ своей корреспонденціи¹⁾ указываетъ, на какія сверхъестественныя усилія способенъ нашъ герой-солдатъ.

Въ самый критическій моментъ подошла подмога—полу-рога съ двумя пулеметами, но этой подмогѣ приходилось идти подъ дождемъ стали: одинъ пулеметъ былъ разбитъ тяжелымъ снарядомъ, немного не доходя до позиціи.

Подтащили другой.

— Вонъ ставьте тамъ.—указываетъ офицеръ на удобное мѣсто шагахъ въ 25—30-ти.

Въ этотъ моментъ унтеръ-офицеръ Ткачевъ, командующій пулеметомъ, падаетъ. Приподнимается, держась лѣвой рукой за грудь, ползетъ на колѣняхъ за пулеметомъ, который номера тащатъ на позицію, указываетъ, гдѣ встать, и руководить огнемъ. Струя его пуль коситъ наступающихъ вѣмцевъ, и атака отбита.

Черезъ нѣсколько времени офицеръ спрашиваетъ одного изъ пулеметчиковъ:

— Ну, какъ Ткачевъ себя чувствуетъ?

— Позвольте доложить, ваше благородіе: Ткачевъ убитъ.

— Что же, это вторая пуля попала?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, отъ первой умеръ.

— Когда?

— Минуть черезъ пятнадцать, какъ ранили.

— Не можетъ быть...

Ткачевъ получилъ смертельную пулю у самого сердца, но у него хватило силы духа поползти до пулемета, руководить огнемъ и отбить атаку, а когда миновала смертельная опасность для другихъ, прошелъ подъемъ героическаго порыва, и онъ упалъ мертвымъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г., № 172.

Унтеръ-офицеръ Ткачевъ N стрѣлковаго полка представленъ къ посмертному Георгію 2-й степени, ибо 3-й и 4-й уже имѣлъ.

Чрезвычайно важное открытіе по хлѣбопашеству свершилъ В. Мельниченко. Онъ изобрѣлъ коловратный ¹⁾ плугъ.

Испоконъ вѣка обработка земли начинается съ пахоты сохою или обыкновеннымъ плугомъ съ такъ называемымъ „отваломъ“, винтообразно-изогнутой желѣзавой лопаткою для отворачиванія въ сторону цѣльныхъ, неразбитыхъ глыбъ земли. Плугъ смѣняется каткомъ-глыбодробомъ, а катокъ—бороною, разрыхляющей поверхностный слой вспаханнаго поля. Но и при боронованіи много мелкихъ комьевъ не попадаетъ на зубья бороны, и эти комья сильно мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ злаковъ.

Коловратный плугъ, съ тою же лошадиною тягою, замѣняетъ собою сразу три машины: отвальный плугъ, катокъ и борону.

Тѣмъ же лемехомъ онъ подрѣзываетъ пластъ земли, и этотъ пластъ, нижней сырою частью его, поднимаетъ на себя особый барабанъ съ ножами (коловратъ, фреза), плавно вращающійся въ сторону противоположную движенію самого плуга. Ножи самой разнообразной формы, смотря по качеству почвы, легкой, средней, тяжелой. Коловратъ одновременно и разбиваетъ, и разрыхляетъ глыбы земли, замѣняя, такимъ образомъ, и катокъ, и борону. Отвала у такого плуга совсѣмъ нѣтъ.

Ксюнинъ описываетъ, какъ австрійцы надругались ²⁾ надъ Почаевскою лаврою.

Въ кинематографъ была превращена церковь великомученицы Варвары. Она расписана изображеніями страданій Спасителя. Австрійцевъ это не смутило: они вѣлобно распяли Христа.

Они сняли иконостасъ съ царскими вратами и перевесли ихъ на другое мѣсто, устроивъ заднюю стѣнку для кинематографа. Передъ царскими вратами за особой перегородкой стоятъ кресла почетныхъ посѣтителей.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 27 июля.

²⁾ Тамъ же.

На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь, — попитры музыкантовъ, а остальная часть церкви занята стульями зрителей, состоявшихъ изъ австрійскихъ офицеровъ и навѣщавшихъ ихъ дамъ.

Австрійцы жили въ Почаевѣ вообще со всѣми удобствами. Кинематографа оказалось мало, и въ архіерейской церкви св. Петра соорудили кабаре.

Чрезвычайно весело. Изъ кинематографа въ трактиръ и обратно съ острымъ ощущеніемъ, что въ этихъ стѣнахъ вѣками молился народъ, въ нихъ искалъ успокоеніе и утѣшеніе, — что на мѣстѣ полпивныхъ столиковъ былъ престолъ Того, Кого именуютъ Богомъ.

Не правда ли, сильное ощущеніе...

Кабаре „Kaminet“ расписано гривуазными картинками какимъ-то хорошимъ художникомъ. Вѣроятно специально выписывали. Обычная обстановка нѣмецкихъ ресторановъ. Полуголая женщина въ объятіяхъ солдата, лейтенантъ, преслѣдующій дѣвицу, кадетъ, соблазняемый перервѣлой дамой, и тутъ же трогательный видъ въ сторону милаго отечества.

Гдѣ былъ ходъ въ архіерейскіе покои, тамъ дверь въ биллиардную и въ кабинетъ.

Веселились до упаду, развлекались и отдыхали, оставили груды пустыхъ бутылокъ, конкурирующихъ съ горами проволоки, не защитившей отъ нашего нашествія.

Стариковъ монаховъ выселили изъ лавры, а когда они приходили поклониться образамъ, тащили къ себѣ въ трактиръ и заставляли фигурировать на фотографіяхъ въ уничижительныхъ позахъ въ обществѣ пьяныхъ офицеровъ.

Г. Филатовъ передаетъ ¹⁾, каковы нѣмецкіе доктора:

Былъ взятъ въ плѣнь докторъ, рабенный въ грудь штыкомъ. Онъ возмутился этой раной. Его спросили:

— При васъ было оружіе?

— Да, револьверъ.

— Сколько въ немъ было патроновъ, когда его у васъ взяли?

— Одинъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 27 июля 1916 г.

— Ну, такъ чего же вы хотите? Благодарите Бога, что живы остались.

Это очень характерно для доктора-нѣмца.

Корреспондентъ „Times“ на русскомъ фронтѣ Уошбернъ отмѣчаетъ, что русское наступленіе длится болѣе 60 дней и что оно лишило нѣмцевъ и австрійцевъ инициативы на всемъ фронтѣ, и уничтожило все планы, которые нѣмцы строили на лѣто, доказавъ непріятелю, что его превосходство исчезло. Уошбернъ приходитъ къ двумъ выводамъ: Австрія должна будетъ покориться, но что Германія покорится еще не скоро, и если даже она потеряетъ Ковель, Брестъ, Варшаву и даже всю Польшу, то придется, быть можетъ, еще бороться съ ней не менѣе года. Что могло бы привести къ побѣдѣ и вызвать отчаяніе нѣмцевъ—это подготовка союзниковъ еще къ двумъ годамъ войны.

Уошбернъ восхищается генераломъ Алексѣевымъ и его способностями и талантомъ. Благодаря ему Брусилловъ достигъ успѣха, и операции Алексѣева помѣшали германцамъ перевозить резервы съ мѣста на мѣсто. Попытки германцевъ къ наступленію два раза заканчивалась неудачей ¹⁾.

Нельзя не отмѣтить такого явленія въ Петроградѣ. Сталъ недостатокъ въ сахарѣ. Прежде было можно его вездѣ купить, даже въ мелочной и фруктовой лавкѣ. Теперь кто-то учредилъ особые магазины для продажи сахару. Не вездѣ можно его купить, а потому у избранныхъ кѣмъ-то лавокъ громадныя хвосты желающихъ купить сахаръ.

Булки въ Петроградѣ начинаютъ продавать горячими, и къ 9 часамъ утра въ булочныхъ уже нѣтъ товара.

29—31 июля. Зная многихъ дамъ, которыя прекрасно изготовляютъ обувь. Теперь это особенно кстати. Въ Одесскихъ среднихъ женско-учебныхъ заведеніяхъ, по инициативѣ попечителя округа Соковнина, уже послѣдовали этому благому примѣру. Для желающихъ учиться изготовленію обуви или выдѣляются часы классныхъ занятій или занятія эти производятся во внѣклассное время.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 26 июля 1916 г.

На дняхъ населеніе города Кралево было свидѣтелемъ выходящаго изъ ряда вонъ зѣвства пруссаковъ. Имя Милица Стояновичъ раздобыла 25 килограммовъ муки. Вопреки обязательному постановленію, она не объявила объ имѣвшемся у нея запасѣ, а скрыла его, такъ какъ мука эта была единственнымъ продуктомъ для пропитанія всей семьи, сильно уже изголодавшейся. Узнавъ объ этомъ, комендантъ Кралева, командиръ 113 прусскаго оштенскаго полка, велѣлъ отрѣзать обѣ руки какъ у Милицы Стояновичъ, такъ и у ея старшей дочери. Эта безчеловѣчная казнь была совершена публично. Обѣ женщины вскорѣ скончались¹⁾.

Крайне желательно, чтобы нѣмецкія земли попали въ крестьянскія руки. Для этого необходимо, чтобы крестьянскіе банкы выдавали крестьянамъ скорѣе ссуды, и опредѣляли назначеніе наивысшаго размѣра бавковскихъ ссудъ при покупке крестьянами земель колонистовъ. Иначе земли попадутъ въ руки скушниковъ, которыми, какъ говорятъ, являются члены мѣстной администраціи разныхъ округовъ.

В. М. Дорошевичъ въ „Русскомъ Словѣ“ также описываетъ дѣйствія нашей артиллеріи во время недавнихъ боевъ.

Когда наши вошли въ австрійскіе окопы:

— Волосы въ первую минуту зашевелились на головѣ отъ ужаса.

— Пахло свѣжей говядиной. Какъ въ мясной лавкѣ.

— Окопы были наполнены не тѣлами, а краснымъ мясомъ.

Горка, по которой вѣсколькими рядами окопы.

Тутъ труповъ не было.

Были окровавленные руки, оторванные ступни, куски мяса неизвѣстно отъ какихъ частей тѣла.

— Это былъ какой-то наштетъ изъ человѣческаго мяса!

Снаряды вбили эти куски мяса въ землю.

И такъ было много крови, смерти, что первы деревенѣли.

Въ окопѣ сварядомъ австрійца вколотило въ землю.

Торчали изъ земли только его ноги.

¹⁾ „Новое Время“ 29 июля 1916 г.

Всѣхъ припасовъ въ Россіи много, а паладиться съ довольствіемъ мы никакъ не можемъ. Дѣло казалось бы очень просто, призвать къ этому дѣлу тѣхъ, которые всю свою жизнь занимались продовольствіемъ, и предложить взять это дѣло въ свои руки, предложивъ имъ 12—15⁰/₀.

На указанныхъ выше условіяхъ надо привлечь къ этому дѣлу людей опыта: земскихъ людей, представителей крупныхъ торговыхъ фирмъ и капитала, при самомъ широкомъ контролѣ свыше. Изъ этихъ людей, специалистовъ по каждой отрасли довольствія, надо организовать особая учрежденія. Подобнымъ образомъ дѣло валажено у нашихъ союзниковъ и идетъ хорошо. Надо слѣдовать испытанному и хорошему примѣру и не искать лучшаго.

Лучшее, говорятъ, врагъ хорошаго.

Послушаемъ показанія плѣнныхъ о нашихъ недавнихъ военныхъ дѣйствіяхъ ¹⁾, и вотъ что они говорятъ.

Особенно много интересаго сообщилъ лейтенантъ Н полка баронъ Ш.

— Наступленіе генерала Брусилова на южномъ фронтѣ, — говоритъ онъ, — было для насъ совершенно неожиданнымъ. У насъ привыкли думать, что укрѣпленія, создавныя тамъ нашими и австрійскими инженерами, неприступны, и защита ихъ не представляетъ большой трудности. Кромѣ того, отъ своихъ шпионовъ мы знали, что наше высшее командованіе рѣшило предпринять наступленіе на Вилну.

Подъ вліяніемъ этихъ данныхъ мы взяли съ австрійскаго фронта почти все германскія части и сосредоточили ихъ въ вилненскомъ районѣ.

Первые дни наше наступленіе на Волыни даже увѣрило насъ въ точности полученныхъ сообщеній. Мы считали его простой демонстраціей и не послали на помощь австрійцамъ ни одного батальона.

Въ этомъ была роковая ошибка.

Тѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ мы не рѣшались дѣйствовать, можетъ-быть, будутъ причиной пораженія Германій. Важно не то, что мы потеряли нѣсколько километровъ, а то, что выпустили изъ своихъ рукъ инициативу. Изъ господина стали рабомъ, противящимся, но одушимъ туда, куда пошлетъ его плеть хозяина.

¹⁾ Рус. Сл. 1916 г. № 175.

Когда, наконецъ, у насъ поняли всю важность совершающихся событій, то началось лихорадочное перебрасываніе войскъ въ ковельскій районъ, признанный главнѣйшимъ на всемъ южномъ фронтѣ.

Нужные полки брали отовсюду, гдѣ представлялось возможнымъ: изъ-подъ Риги, съ Двины, съ западнаго фронта.

Въ этотъ самый моментъ мы нанесли ударъ по Барановичамъ.

Въ нѣсколько часовъ все смѣшалось. Пѣвада, переполненные солдатами, простаивали на путяхъ, не получая маршрута. Изъ Волыни и Галиціи спѣшно везли въ барановичскій районъ только-что прибывшія туда дивизіи. Нѣсколько генераловъ, „прозѣвавшихъ“ дѣйствительную угрозу, были отставлены самимъ кайзеромъ.

За все время войны я не запомню такого безпорядка, который царилъ въ штабахъ, всегда спокойныхъ, хладнокровно-рѣшительныхъ.

Нѣмецкіе перебѣжчики показываютъ, что изъ безлошадныхъ нѣмецкихъ кавалеристовъ образуютъ особыя стрѣлковыя части, которыхъ отправляютъ въ окопы.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“, приводитъ рассказъ офицера о занятіи австрійскаго окопа ¹⁾:

Благополучно прошли мимо перваго бокового хода. Оставилъ противъ него трѣхъ стрѣлковъ, по телефону велѣлъ притащить сюда, противъ входа въ боковой лазъ, пулеметъ. Полаземъ дальше,—два австрійскихъ пулемета. Испорчены. Телефонные провода куда-то во вторую линію. Оборваны. Люди по окопу дальше. Ползетъ впереди уже одинъ телефонщикъ съ трубкой у рта, другой конецъ у меня на головѣ, подлѣ ушей.

— Ваше благородіе, въ окопѣ сыро... вода, какъ налита что... Воняетъ... какъ въ отхожемъ мѣстѣ.

Новый поворотъ окопа,—и по насъ издали навстрѣчу частый огонь. Послышались стоны нашихъ раненыхъ. Замолкъ телефонъ. Кричу въ трубку:

— Телефонщикъ, что такое?

Нѣтъ отвѣта: или проводъ оборвался или телефонщикъ убитъ.

Вызываются человекъ десять:

— Дозвольте, прополземъ впередъ. Узнаемъ, много ли тамъ австрійцевъ. Мы пополаземъ лѣвою стороною, а вы по-

¹⁾ „Русское Слово“ 1916 г. № 150.

верху, по правой пускайте фонари. Пусть они луцятъ больше туда.

Поползли. Минуты черезъ три слышу въ телефонъ шепотъ одного изъ только-что ушедшихъ:

— Ваше благородіе, слышите ли меня?

— Слышу.

— Значить, проводъ цѣлъ. Слушайте, ждите вѣстей

Прошло долгихъ, томительныхъ минутъ десять. Впереди ни выстрѣла, ни криковъ. Вдругъ въ телефонъ довольно громко тотъ же голосъ:

— Ваше благородіе, разрѣшите укрѣпляться.

— Гдѣ?

— Здѣсь. Отгородиться отъ австрійцевъ. Они недалеко тутъ, за поворотомъ.

— Чѣмъ? Сапогами, что ли?

— Есть чѣмъ,—говорить бодро и радостно такъ.

Время терять некогда,—даю согласіе:

— Валяй! Укрѣпляйся! Допоси обо всемъ подробно.

Оказывается, мои охотники нашли въ углубленіи окна большой складъ мѣшковъ для земли. Мѣшки, какъ послѣдъ я разсмотрѣлъ,—разказывалъ поручикъ Т.,—были особаго, машиннаго производства. Ткань довольно рѣдкая,—материалъ недорогой, но тутъ же была большая яма съ какимъ-то, въ родѣ известковаго, растворомъ, которымъ насыпанные землею мѣшки большими кистями сильно смачивались снаружи, и тогда земля прочно держалась, не сыпалась сквозь рѣдкую ткань. Прошло минутъ двадцать, слышу въ телефонъ:

— Ваше благородіе, можете придти посмотреть наше сооруженіе,—безопасно.

Пробираюсь осторожно съ фонарикомъ. По дорогѣ дѣйствительно сыро, даже мокро и смрадно. Австрійцы, уходя, проткнули цинковые баки съ горячею водою для ваннъ и разворотили оконное отхожее мѣсто. Только перебрался черезъ зловонную топъ,—слышу, изъ-за поворота встрѣчный шепотъ:

— Ваше благородіе, тише! Дайте руку. Сюда! Теперь сверкните фонарикомъ. Чуть-чуть выше себя, посрединѣ.

Глянулъ и чуть не крикнулъ отъ удивленія. Сквозь мѣшки съ австрійской стороны просунулась кирка—не кирка, большой какой-то шуруиъ. За нимъ колено трубки, какъ у насоса. За мѣшками мѣрно застучала какая-то машина. Думаю, газы удушающіе. Только-что хотѣлъ крик-

нуть своимъ: „Бѣги скорѣе назадъ“, какъ трубка вдругъ плюветъ въ нашу сторону горячею жидкостью. Какъ-разъ подъ нею, у самой земли, при мѣшкахъ лежалъ мой новый телефонщикъ, сверлилъ самъ дыру въ мѣшкахъ, хотѣлъ хоть услышать, что тамъ стучаеъ. Опъ, словно готовый ко всему, сгребъ горсть земли и прямо въ дуло трубки,—струя остановилась.

— Ваше благородіе, труба задохлась,—кричитъ радостно.

На его крикъ—выстрѣлъ сквозь мѣшки, другой, третій,—равило телефоннику плечо, перебило ключицу.

— Ложись!—шепчу я.

Подползаетъ младшій унтеръ-офицеръ, здоровякъ, изъ мясниковъ, быкобоецъ. Просить:

— Разрѣшите мнѣ съ семью человекъ обратиться на мѣшки, пустить туда, къ австрійцамъ, фонарь и, глядя по дѣлу, командовать.

— Для чего?

— А проверить. Тамъ или австрійцевъ мало, или они думаютъ, что здѣсь насъ двое-трое развѣдчиковъ.

— Лѣзьте, — говорю, — и чуть что, увидите много людей, давайте по нимъ залпъ, а сами кубаремъ назадъ и на землю.

Ползли, сверкнули въ тьму впередъ фонарями, и безъ слова всѣ восьмеро на ту сторону. Тихо. Потомъ залпъ, другой, третій,—и никакихъ криковъ. Мои остальные съ фонариками также черезъ мѣшки. Я имъ: „Стой, стой! Куда?“,—а они уже тамъ. Я за ними. Слышимъ, гдѣ-то впереди возня, глухіе голоса. Бѣжимъ туда, готовые стрѣлять и колоть. Выскочили за траверсъ,—длинный окопъ, огоньки, и вверху, надъ землею, и внизу, на полу, стоятъ фонарики нашихъ. Десятка два австрійцевъ поддерживаютъ другъ друга, ухватились за край окопа руками и лѣзутъ наружу, въ темное поле. Наши нижнихъ прикладами по затылку, а повисшихъ буквально штыками въ задъ и хрипыми голосами негромко:

— Лѣзь, лѣзь. Я те подсажу... Садись, поддержу... Мягко ли?

— Пощекоти, пощекоти ихъ,—кидаются и приближавшіе со мною.

Г. Ксюнинъ описываетъ ¹⁾ такими словами безсмертный подвигъ рядового Кипріяна Сиваго.

Въ мѣстечкѣ Барятинѣ, верстахъ въ шести отъ Луцка, на форту незамѣтная могила съ маленькимъ крестомъ, а на немъ надпись:

„Здѣсь была Россія и будетъ Россія“.

Ихъ сказалъ тотъ, который лежитъ подь крестомъ— нижній чинъ русской арміи, Кипріянь Сивый.

Исторія его ведолга, но ее надо запомнить.

Кипріянь Сивый съ другими однополчанами осенью прошлаго года попался въ плѣнь къ австрійцамъ. Онъ былъ родомъ изъ-подъ Луцка и когда услышалъ, что Луцкъ тоже временно перешель къ неприятелю, переодѣлся въ крестьянское платье и добрался до своихъ мѣсть.

Въ родную деревню, однако, жить не пошелъ, опасаясь, чтобы не выдали, а поселился работникомъ у знакомой помещицы, къ которой бѣгалъ еще подросткомъ. Жилъ, работалъ и приглядывалъ за неприятелемъ, а когда набралъ достаточно свѣдѣній, рѣшилъ перебраться черезъ линіи войскъ и донести русскимъ о томъ, что дѣлается въ тылу у врага. Не посчастливилось. Какіе-то два чеха провѣдали про побѣгъ и донесли властямъ. Бѣглаго судили и приговорили къ смертной казни.

Привели Кипріяна къ свѣжей вырытой для него могилѣ. Священникъ сказалъ напутственное слово. Хотѣли уже „приступить“, но приговоренный остановилъ:

— Я скажу, батюшка, тоже передъ смертью два слова: „Была здѣсь Россія и будетъ Россія во вѣки“...

Эти слова Кипріяна Сиваго и написали на его крестѣ. Могила даже не огорожена, какъ слѣдуетъ, но жуткое мѣсто на фортѣ воскрешаетъ казнь солдата, умершаго за отечество, за Россію, которой онъ жилъ и въ которую вѣрилъ до гроба. Онъ — сѣрый русскій солдатъ какими вся война ведется, ваятый изъ народа, какъ и Макуха и Рябовъ и другіе безвѣстные мученики-герои, сердца и души которыхъ намъ трудно постигнуть. Они мало получили и много дали, и они остаются у насъ вѣчнымъ укоромъ и вѣчной славой нашей. Жизньъ прожили не для себя и умерли со словами о Россіи.

Подвигъ Кипріяна Сиваго не можетъ забыться: о немъ надо рассказать солдатамъ и дѣтямъ въ школахъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 31 июля.

Древніе и средневѣковые герои давно окаменѣли, а на примѣрахъ своихъ, можетъ быть, мы наконецъ больше узнаемъ и скорѣе полюбимъ свой народъ.

А. П. Тупинъ передаетъ *) рассказы бѣженцевъ о теперешней жизни въ Курляндіи, занятой германцами.

Слишкомъ много балтовъ осталось въ Курляндіи, по одному Тальсевскому уѣзду осталось не менѣе 25 бароновъ, владѣльцевъ имѣній. Многие изъ нихъ поступили на германскую службу, сидятъ комиссарами; это люди съ довольно темнымъ прошлымъ. Нѣкоторые бароны поступили въ германскую контръ-развѣдку. Извѣстный Сильвіо Бредерихъ состоитъ гольдингенскимъ уѣзднымъ начальникомъ, пользуясь среди германцевъ большой популярностью; онъ хозяйничаетъ, какъ сатрапъ въ своей вотчинѣ.

Въ Митавѣ по-прежнему жизнь бьетъ ключомъ. Устраиваются спектакли, концерты. Въ германскомъ обществѣ крупную роль играетъ курляндское дворянство, на благотворительныхъ вечерахъ живое участие принимаютъ дамы-патронессы...

Нельзя не отмѣтить одно отрадное явленіе, — въ Петроградѣ и во многихъ городахъ Россіи устраиваются ремесленные курсы для увѣчныхъ воиновъ, и дѣятельность ихъ очень плодотворна. Недавно въ Старой Руссѣ открыты бесплатные курсы учительскіе, бухгалтерскіе и сапожнаго ремесла.

Приведемъ для сравненія двѣ корреспонденціи, какъ работаютъ вражескіе плѣнные у насъ и наши тамъ у нашихъ враговъ.

Какъ живется нашимъ военноплѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи, наврядъ ли слѣдуетъ много говорить: давнымъ-давно извѣстно, что ихъ бьютъ „культурные“ варвары, истязаютъ, морятъ голодомъ, за малѣйшую провинность гноятъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, разстрѣливаютъ и вѣшаютъ и принуждаютъ къ самымъ тяжелымъ частнымъ, общественнымъ и казеннымъ работамъ, при чемъ, разумѣется,

*) „Нов. Вр.“ 31 Іюля 1916 г.

или платять за эти работы гроши, или же совсѣмъ ничего не платять.

Совсѣмъ другое видимъ у насъ 4).

Сравнительно недавно въ Суражскій уѣздъ было отпущено на полевья работы въ помѣщичьихъ экономіяхъ 169 военно-плѣнныхъ румынъ, венгровъ и русиновъ, а нынѣ отпущена большая партія плѣнныхъ венгерцевъ на постройку желѣзной дороги въ районахъ Могилевщины и сѣверной Черниговщины. Въ день пріемки плѣнныхъ ихъ напоили чаемъ и накормили вкуснымъ ужиномъ въ княцковскомъ земскомъ лазаретѣ, а при раздачѣ плѣнныхъ помѣщикамъ, послѣднихъ уѣздное земство обязало непремѣннымъ условіемъ: кормить такъ, какъ кормятъ въ войскахъ нашихъ нижнихъ чиновъ, или въ солидныхъ экономіяхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ страдную пору, одѣвать и содержать въ чистыхъ помѣщеніяхъ казарменнаго типа и платить имъ по 4 руб. въ мѣсяцъ. Продолжительность рабочаго дня плѣнныхъ не должна превышать обычнаго сельско-хозяйственнаго дня, а въ праздничные дни плѣнные могутъ быть наряжаемы на работу по особому соглашенію съ помѣщикомъ.

Теперь намъ говорятъ помѣщикъ В. Б. Польковскій, что въ его экономіи плѣнныхъ кормятъ великолѣпно: утромъ поятъ чаемъ съ хлѣбомъ и масломъ, въ полдень даютъ обѣдъ изъ мяса, супа и гречневой каши, часа въ четыре дня—вечерній чай, вечеромъ—горячій ужинъ. Хлѣба же—сколько хочешь. И такъ во всѣхъ 10 имѣніяхъ, гдѣ имѣются военноплѣнные.

Между тѣмъ, работаютъ плѣнные потихоньку, да полегоньку; тотъ же помѣщикъ Польковскій утверждаетъ, что его плѣнные плохіе работники: исполняютъ работы очень неохотно и небрежно. Нѣсколько лучше себя показали было въ первые дни плѣнные румыны въ имѣніи Доябровской, но теперь и они уже начинаютъ отказываться отъ работы (нѣсколько дней назадъ плѣнные не вышли на уборку сѣна, хотя сѣно надо было убрать въ тотъ же день обязательно).

Въ послѣдніе дни мы имѣли случая наблюдать работу плѣнныхъ на желѣзнодорожной линіи. Ходятъ плѣнные отъ одного участка насыпи до другого не спѣша—словно

4) Тамъ же.

„среда на пятницу“, трубки покуриваютъ, на дивчатъ подобострастно поглядываютъ, а работы не видно.

Зато свободушка плѣннымъ полная, да отношеніе къ нимъ подрядчиковъ распрекрасное. Въ праздничные дни въ уѣздныхъ городахъ можно всегда видѣть военноплѣнныхъ разгуливающими по базарамъ безъ всякаго за ними присмотра. Что касается желѣзнодорожныхъ плѣнныхъ, то ихъ въ Суражѣ, напримѣръ, имѣютъ честь лицезрѣть базарные завсегдатаи ежедневно, какъ только солнышко скроется за горкой. Подрядчикъ Юкишъ въ своемъ увлеченіи покровительствомъ военноплѣннымъ венграмъ дошелъ до того даже, что ужъ одного изъ нихъ „благословилъ“ авансомъ въ 50 руб., тогда какъ русскимъ рабочимъ никакихъ авансовыхъ выдачъ не полагается. Другой подрядчикъ — Шахновичъ переодѣлъ плѣннаго въ штатскій костюмъ и сдѣлалъ его шофферомъ.

Вотъ и выходитъ, что вражескимъ плѣннымъ у насъ не житье, а масляница.

Гор. Суражъ, Черниг. губ.

А вотъ какъ работаютъ наши плѣнные ¹⁾.

Если взглянуть на карту Южной Буковины, то мѣстность покажется совсѣмъ непроходимой: Даже на послѣднихъ австрійскихъ картахъ, изданныхъ передъ самой войной, показаны въ горахъ южной Буковины все больше горныя тропки. На самомъ же дѣлѣ здѣсь проходятъ превосходныя шоссе, проведенныя лишь за послѣдній годъ руками нашихъ плѣнныхъ. Сколько труда и силъ убито здѣсь! Полуголодные, подъ угрозой штыка, копали они горы, пробивали скалы, засыпали пропасти.

Есть и нѣмой свидѣтель ихъ ужаснаго положенія — захваченный нашими войсками лагерь военноплѣнныхъ.

Лагерь расположенъ въ урочищѣ Даугоришъ, по дорогѣ на Кирлибабу, въ районѣ ковскаго завода Бабейко.

Недалеко отъ дороги находится огромный баракъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ изгородью изъ колючей проволоки. Баракъ раздѣляется на двѣ части: въ первой коридоръ и шесть комнатъ, по три на каждой сторонѣ, это — комнаты караула и канцелярія; затѣмъ идетъ помещеніе

¹⁾ „Рус. Сл.“, 1916, № 176.

для военноплѣнныхъ: огромный сарап, весь задѣланный нарами, съ двумя проходами въ длину и однимъ въ ширину, такъ что здѣсь можно только лежать и сидѣть на нарахъ, иначе помѣщаться невозможно. Воздухъ, несмотря на отсутствіе людей, тяжелый, ибо тутъ же, у бокового прохода, помѣщается отхожее мѣсто. Помѣщалось въ этомъ сараѣ человекъ 300—400.

Съ одной стороны колючая изгородь темного отходить отъ барака и образуетъ нѣчто въ родѣ дворика, служившаго, вѣроятно, для гулянья плѣнныхъ; здѣсь же помѣщается отхожее мѣсто для стражи.

Съ другой стороны барака, у самой сторожки, мѣсто наказаній: небольшой крытый навѣсъ для часовыхъ и сосна четверти четыре въ обхватѣ. Въ нее вбитъ желѣзный крюкъ въ палецъ толщины, сбоку еще какой-то толстый гвоздь. Здѣсь подвѣшивали нашихъ солдатъ: скуютъ наискось лѣвую ногу и правую руку и повѣсятъ такъ чтобы до земли немного не доставалъ; вѣшаютъ иногда на нѣсколько часовъ, вѣшаютъ за самыя пустяки провинности, и, по словамъ окрестныхъ жителей, двое нашихъ солдатъ умерли на этомъ крюкѣ, не вынеся пытки.

Сестра милосердія приводитъ трогательный, христіанскій рассказъ ¹⁾ умирающаго одного изъ нашихъ героевъ мучениковъ:

Въ лазаретѣ послѣ отправки остался только одинъ тяжело больной солдатъ. Онъ былъ раненъ въ темя. Пуля застряла въ мозгу. Мучительная боль не давала ему покоя ни на одно мгновеніе. Находясь все время безъ сознанія, солдатъ инстинктивно держалъ голову неподвижно, такъ какъ малѣйшій поворотъ вызывалъ острую боль.

Мы не знали, кто онъ. Билетъ, сопровождающій больного съ обозначеніемъ его имени, фамиліи и съ указаніемъ раненія, былъ утерянъ по дорогѣ. Въ нашъ лазаретъ онъ поступилъ, какъ неизвѣстный. Мы нѣсколько разъ спрашивали, какъ его зовутъ, но онъ не слышалъ насъ. Все время, сидя на кровати, онъ пристально смотрѣлъ вдаль, потомъ начиналъ осторожно сползать съ койки и тихо, тихо звалъ товарища слѣдовать за нимъ.

¹⁾ Вирж. Вѣст. 1916 г., № 12750.

Больной мозгъ рисовалъ ему удачную развѣлку, и онъ улыбаясь докладывалъ кому-то о расположеніи врага. Но улыбка скоро замѣнялась страдальческимъ выраженіемъ лица. Протяжные стоны наполняли собою пустую палату и гулко раздавались въ ней.

Больной замѣтно слабѣлъ съ каждымъ часомъ. Никакія средства не помогали и не въ силахъ были спасти молодой организмъ отъ медленно надвигающейся смерти.

Сознывая свою безпомощность, сестрѣ приходилось бездѣятельно сидѣть подлѣ умирающаго и только слѣдить, чтобы ему было удобно лежать.

Стоны затихли, дыханіе сдѣлалось ровнымъ. Нѣсколько минутъ больной лежалъ совершенно спокойно. Потомъ приподнявшись, удивленно осмотрѣлся вокругъ и спросилъ:

— А гдѣ же нѣмецъ? Я его долженъ поколотить. Онъ попросилъ перевязать рану, а какъ только я нагнулся къ нему, онъ больно ударилъ меня по головѣ, и можетъ и равиль; почему такъ жжетъ лобъ? Ты, сестрица, къ нему не подходи, надо сперва взять у него револьверъ, а то всѣхъ перестрѣляетъ,—начиная волноваться, говорилъ больной.

— Нѣмца уже обезоружили. Скажи, какъ тебя зовутъ и откуда ты,—спрашивала сестра, стараясь отвлечь мысли раненаго.

— Зовутъ?... Какъ зовутъ...—спылся что-то вспомнить, повторялъ больной...—Зовутъ... не знаю...—прошепталъ онъ и жалобно по-дѣтски заплакалъ...

Мучительный бредъ сталъ снова тревожить больного. Черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался.

Снявъ съ него фотографію, чтобы отпрavitъ въ полкъ для свѣдѣнія, мы положили его подлѣ покойника, умершаго ночью отъ сильныхъ ожоговъ горючей жидкости, примененной нѣмцами во время послѣдней атаки.

Устаиваютъ твердыя цѣны на предметы довольствія, иначе говоря, якобы постоянную таксу. Будетъ ли отъ того лучше? Опыты въ Петроградѣ показали отрицательную его сторону. Стоило только установить таксу, какъ припасы исчезали неизвѣстно куда. Не лучше ли было установить вольныя цѣны, отменить запрещеніе вывоза изъ районовъ, распределить вагоны для вывоза запасовъ, гдѣ находятся, ослабить сначала столицы и города, а затѣмъ и всю Россію припасами, разумѣется, при участіи людей, постоянно занимающихся довольствіемъ.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть такое событіе въ трамваѣ. Въ трамвай входитъ сестра милосердія и тяжело раненые на костыляхъ. Нѣкоторымъ раненымъ были уступлены мѣста, и въ числѣ уступившихъ мѣсто былъ одинъ генералъ, который затѣмъ ушелъ къ выходу изъ трамвая.

Хлынувшая публика заполнила совсѣмъ вагонъ и когда много вышло народу, то выяснилась такая обстановка. Генералу уступили мѣсто въ началѣ вагона, а три раненыхъ на костыляхъ все еще стояли въ началѣ вагона и никто не хотѣлъ имъ уступить мѣсто.

Генералъ зоветъ кондуктора и проситъ его привести къ нему раненаго, затѣмъ, уступивъ ему мѣсто, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ солдатки на костыляхъ, и говоритъ сидѣвшимъ: „стыдитесь, вы сидите, а тяжело раненые стоятъ“.

Эти слова прошибли героевъ тыла. Всѣ повскакали съ мѣсть и раньше всѣхъ женщины. Всѣ раненые были размѣщены.

Во второй половинѣ іюля военныя дѣйствія происходили такимъ образомъ: германцы подвезли къ Ковелю значительныя подкрѣпленія, и самъ кайзеръ создалъ планъ дѣйствій—прорвать нашъ фронтъ и овладѣть Луцкомъ.

Этотъ планъ не удался. Русскія войска перешли въ Галиціи сами въ наступленіе на правомъ флангѣ отъ линіи желѣзной дороги Рожнице—Ковель до р. Бродъ и на лѣвомъ флангѣ по направленію на Стаиславовъ на сѣверъ и къ западу отъ деревни Кутты. На крайнемъ правомъ флангѣ завязались упорные бои на р. Стоходѣ, которые тянулись всю половину іюля съ нѣкоторымъ нашимъ продвиженіемъ впередъ, войска генерала Сахарова прорвали фронтъ германцевъ, овладѣли г. Броды и достигли р.р. Граберки и Серета, при чемъ съ 15 по 16 іюля взяли 2 генераловъ, 651 офицеровъ, 32.000 нижнихъ чиновъ и 144 орудія, и съ 22 по 24 іюля 166 офицеровъ и 8415 нижнихъ чиновъ.

На лѣвомъ флангѣ войска генерала Мечинскаго успѣшно продвигались къ западу отъ Кутты къ р. Ворохтѣ, и къ сѣверу взяли г. Стаиславовъ, Тдумачъ и Нижціовъ, прорвали фронтъ противника на 25 верстъ и овладѣли пространствомъ въ 160 кв. верстъ. И 25 іюля взяли 88 офице-

ровъ и 7.400 нижнихъ чиновъ. Послѣдствіемъ дѣяствій войскъ генерала Сахарова и генерала Лечицкаго на обоихъ флангахъ австро-германцевъ было то, что сильно укрѣпленный центръ непріятельской арміи Ботмера передъ Тирнополемъ и Бучачемъ не могъ устоять передъ напоромъ войскъ Щербачева и сдать всю линію р. Стрыпы — укрѣпленія д. Гандки, Цѣброва, Езерна и Козлова.

Кайзеровскіе присыльщики турки повели наступленіе на Мушь Битлисскомъ, Моссульскомъ и Керманшахскомъ направленіи и взяли Хамаданъ. Наши продвигались успѣшно къ западу отъ Эрзерума.

П. В.

